

ЛЮДМИЛА СИМАКОВА

АЛЕКСАНДР КУЧИН

Русский у Амундсена

Paulsen

Людмила Симакова

Александр Кучин.
Русский у Амундсена

«Паулсен»

2015

УДК 910.4
ББК 84

Симакова Л. А.

Александр Кучин. Русский у Амундсена / Л. А. Симакова —
«Паулсен», 2015

ISBN 978-5-98797-100-0

Александр Степанович Кучин – полярный исследователь, гидрограф, капитан, единственный русский, включённый в экспедицию Р. Амундсена на Южный полюс по рекомендации Ф. Нансена. Он погиб в экспедиции В. Русанова в возрасте 25 лет. Молодой капитан русановского «Геркулеса», Кучин владел норвежским языком, составил русско-норвежский словарь морских терминов, вёл дневниковые записи. До настоящего времени не существовало ни одной монографии, рассказывающей о жизни этого замечательного человека, безусловно достойного памяти и уважения потомков. Автор книги, сотрудник Архангельского краеведческого музея Людмила Анатольевна Симакова, многие годы занимающаяся исследованием жизни Александра Кучина, собрала интересные материалы о нём, а также обнаружила ранее неизвестные архивные документы. Написанная ею книга дополнена редкими фотографиями и дневником А. Кучина, а также снабжена послесловием профессора П. Боярского.

УДК 910.4
ББК 84

ISBN 978-5-98797-100-0

© Симакова Л. А., 2015

© Паулсен, 2015

Содержание

Александр Кучин. Опыт биографии в письмах и документах	8
I. Детство	10
II. В Мореходном училище	26
III. В Бергене	58
IV. С Амундсеном	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Людмила Симакова

Александр Кучин. Русский у Амундсена

Перевод писем с норвежского Л. Н. Истомина

© Издательство «Паулсен», 2015

* * *

В дневнике Александра Кучина, а также в письмах сохранены оригинальные орфография, пунктуация и написание географических названий, воспроизведённые в соответствии с современным алфавитом.

Факсимильную копию некоторых страниц дневника А. Кучина вы можете видеть на вкладке.

В остальном тексте все географические названия, названия учреждений, имена собственные приведены в их современном написании.

Список сокращений

АКМ, АОКМ – Архангельский краеведческий музей

ГААО – Государственный архив Архангельской области

ИАОИ РС – Известия Архангельского общества изучения Русского Севера

МАО – Музей Арктики и Антарктики

МАМИ – Музей Арктического морского института им. В. И. Воронина

ОИММ – Онежский историко-мемориальный музей А. С. Кучина

Александр Кучин. Опыт биографии в письмах и документах

Посвящается моей маме Симаковой Вере Яковлевне.

Конец XIX – начало XX века. На Земле уже не осталось белых пятен. Мраком неизвестности покрыты лишь приполярные области. Именно к ним прикован интерес общества. Именно сюда устремляются экспедиции ведущих стран того времени. Австро-венгерская экспедиция Карла Вейпрахта и Юлиуса Пайера в 1873 году открывает архипелаг Земля Франца Иосифа. В 1893–1896 годах в море Лаптевых дрейфует легендарный «Фрам» и Фритьоф Нансен с Яльмером Йохансеном совершают попытку пробиться к Северному полюсу. Он будет достигнут американцем Фредериком Куком 28 апреля 1908 года. В 1878–1879 годах Нильс Адольф Эрик Норденшельд впервые вышел к Берингову проливу Северо-Восточным проходом вдоль берегов Сибири. Западным проходом через Канаду и Аляску в 1903–1905 годах прошёл Руаль Амундсен.

Героическим веком исследований Антарктиды (Heroic Age of Antarctic Exploration) называли период, когда в течение 25 лет было совершено 19 экспедиций на этот ледовый континент.

В 1907 году ирландец Эрнест Шеклтон идёт к Южному полюсу и не доходит всего 180 км. Сюда с разницей всего в 33 дня придут группы Руаля Амундсена (11.12.1911 г.) и англичанина Роберта Скотта (17.01.1912 г.).

Освоение Арктики и Антарктики превращается в гонку национальных амбиций, в соревнование личностей. Вернувшихся ОТТУДА встречают как национальных героев. Их книги расходятся многотысячными тиражами, переводятся на иностранные языки. Сотни людей приходят на их публичные выступления.

Им подражают, они становятся кумирами молодёжи.

Россия, омываемая шестью морями Северного Ледовитого океана и тремя Тихого, не остаётся в стороне. Цусимская трагедия, когда измотанный дальним переходом через южные моря российский флот был разбит японцами, подтолкнула правительство изучать достижение своих восточных окраин Северным морским путём. Ежегодно в северные моря отправляются гидрографические и научные экспедиции. Для Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана (ГЭСЛО) построены ледоколы «Таймыр» и «Выйгач», на которых экспедиция Б. А. Вилькицкого в 1913 году открыла архипелаг, названный им Архипелаг императора Николая II, в советское время получивший название Северная Земля. Это открытие было признано самым значительным географическим открытием XX века. В 1914–1915 годах ГЭСЛО прошла Северным морским путём из Владивостока в Архангельск.

Российских морских офицеров и исследователей не встречали овациями. Они были малоизвестны современникам и почти забыты потомками, но их имена остались на карте Арктики: архипелаг Седова, остров Макарова в Карском море, полуострова Борисова и Русанова на Новой Земле, острова Коломийцева и Васильева в архипелаге Норденшельда, пролив Вилькицкого, остров Самойловича, море Лаптевых и многие-многие другие.

Героическое время рождает героев. И среди великих имён достойное место занимает имя совсем молодого человека, прожившего всего 25 лет, Александра Кучина. Ему посвящена эта книга, в основу которой легли письма, дневники, документы, хранящиеся в фондах Онежского историко-мемориального музея А. С. Кучина, Архангельского областного краеведческого музея, Музея Арктики и Антарктики в Санкт-Петербурге, Государственного архива Архангельской области, а также из частных коллекций.

Имя Александра Степановича Кучина известно читателям, которые интересуются освоением Арктики. Первая большая публикация – статья Г. А. Бергмана «Капитан А. С. Кучин»¹. Автору посчастливилось общаться с сёстрами Анной Степановной и Елизаветой Степановной, изучать документы, которые хранились в семье.

В 1980-е годы была организована экспедиция газетой «Комсомольская правда». Д. И. Шпаро и В. А. Шумилов побывали в Онеге и Архангельске. Их замечательная книжка «Капитан «Геркулеса»², являясь научно-популярным изданием, имеет существенный недостаток – в ней нет ссылок на документы и источники, которыми пользовались авторы.

Очень интересную работу подготовила архангельский краевед Т. Ф. Мельник, которая на основе документов Государственного архива Архангельской области восстановила родословное древо рода Кучиных.³

Казалось бы, написано много, но находятся новые документы, по-иному прочитываются уже известные. Что-то стало мифом и переходит из одной публикации в другую, поэтому что-то из устоявшихся взглядов нуждается в корректировке.

В нашей книге много цитат из документов и писем. Это позволит читателям самим делать выводы и почувствовать аромат эпохи. В своём движении вперёд человечество неизбежно что-то теряет. В эпоху мобильных телефонов и электронной почты мы потеряли культуру написания писем близким людям, где были бы не только передача фактов и описание событий, но и размышления, и чувства. Может быть, поэтому с таким трепетом мы сейчас читаем письма, написанные много лет тому назад.

Выражаю благодарность коллегам из Онежского историко-мемориального музея А. С. Кучина, Архангельского краеведческого музея, Музея Арктики и Антарктики, сотрудникам Государственного архива Архангельской области и Архангельской областной научной библиотеки им. Н. А. Добролюбова, а также переводчику с норвежского языка Людмиле Николаевне Истоминой.

Особые слова благодарности Петру Владимировичу Боярскому, без которого эта книга не состоялась бы.

Л. А. Симакова

¹ Бергман Г. А. Капитан А. С. Кучин // Летопись Севера. Т. 3. М., 1962.

² Шпаро Д. И., Шумилов В. А. Капитан «Геркулеса». М., 1992.

³ Мельник Т. Ф. Род Кучиных из села Кушерека // Ладья. № 1. Архангельск.

I. Детство

Родился Александр Кучин 16 (28 по н. с.) 1888 года в селе Кушерека Онежского уезда Архангельской губернии. Село стоит на берегах реки Кушы в 6 км от места впадения её в Белое море. Так, отгораживаясь лесами от студёных морских ветров, на берегах пресноводных рек, расположено большинство поселений Беломорья. Название реки Куша происходит от финского «кушк» – «порог». Река Куша – порожистая река, оттого её и прозвали в Кушереку «звонкой».

Кушерека была большим селом, административным центром волости. По переписи 1897 года 713 душ мужского пола и 825 женского⁴, а также почта, фельдшерско-акушерский пункт, приходская школа и мореходные классы. По меркам XIX века Кушерека была богатым селом, одних судовладельцев в 1898–1902 годах здесь было 19 человек, владевших 29 судами.⁵

По официальным документам Кушерека состояла из двух деревень: Логиновская на правом берегу и Кузьминская на левом. Но народная память сохранила более древнюю топонимику, свидетельствующую о том, что Кушерека, как и большинство поселений на Севере, была гнездом деревень. На правом высоком берегу стояли Гора, Лахта и Низ, а на левом более низком – Верховье, Крюк и Бачина деревня.

Кучины жили на Горе, это лучшее место в округе. Оно не затапливалось, в непогоду было сухим и обдувалось ветрами. Именно на таких местах обосновались первопоселенцы. Вероятно, и род Кучиных был из первопоселенцев, а такие роды вне зависимости от их имущественного достатка пользовались особым почетом и уважением.

Дома для выросших сыновей и их семей ставились рядом с родительскими. В основном это были громадные дома-дворы, где хозяйственная часть с хлевами и поветью для сена стояла под одной крышей с жильём, располагавшимся на двух этажах или на одном, стоявшем на высоком подклете.

Невест далеко не искали, женились, судя по той же переписи, на своих, кушерецких. Венчались и детей крестили в Вознесенской церкви⁶, стоявшей на левом берегу.

Приходскому храму следовало бы располагаться в центре волости, но Успенская церковь на правом берегу дважды отстраивалась и дважды горела. Вознесенская церковь, хоть и была двухэтажной и имела большую трапезную, вряд ли могла вместить одновременно более 150–200 человек, не много для большого села. Одна из причин – в старообрядческих корнях. Кушерека считалась одним из оплотов старой веры. Не случайно в своё время архиепископ Афанасий поставил сюда приходским священником человека из своего окружения. Но и в XIX веке старая вера считалась более истинной. Она не была воинствующей. Всю жизнь человек ходил в никонианскую церковь, соблюдал её обряды, а в старости перекрещался в старообрядчество. Нередки были случаи, когда старики перед смертью уходили от мира в лесные избушки отмаливать грехи и вести праведный образ жизни. Иногда смерть «задерживалась», и они жили здесь годами. Раз в год приезжали родственники, привозили продукты, если человек умер, то и хоронили.

В двух верстах от села стояла часовня с крестом. В 1801 году на морской берег у Кушереки вынесло огромный крест с кириллическими надписями. Священник Иван Конов известие об этом направил архангельскому и холмогорскому епископу, тот указал поста-

⁴ ГААО Ф. 6. Оп. 18. Д. 116.

⁵ Ружников А. В. Судовладельцы Поморья. Архангельск. «Норд». 2013. С. 181–187.

⁶ Вознесенская церковь, построенная в 1669 году, шедевр деревянного зодчества Русского Севера, перевезена в Архангельский музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Карель».

вить часовню и ежегодно служить молебн в тот день, когда крест вынесло на берег, что и было исполнено. По преданию семьи Кононовых, предки которых в нескольких поколениях были священниками в Кушереке, это тот самый крест, который срубил Петр I в память о своём чудесном спасении в Ундской губе во время поездки на Соловки в 1696 году. Во время сильной бури основание креста подмыло, он опрокинулся, его унесло в море и северо-восточными ветрами прибило к кушерецкому берегу. Монахи Пертоминского монастыря, которым было велено надзирать за крестом, обнаружили пропажу и, не долго думая, сделали копию и установили в монастыре.⁷ Крест из Пертоминского монастыря вывезли и установили в Троицком соборе в Архангельске, а после разрушения собора в 1930 году передали в Архангельский краеведческий музей, где он и хранится в настоящее время. На этом кресте нет резных надписей, только внизу у основания слабо читается «Петр», а концы креста вырезаны в виде трилистников, что нехарактерно для поморских крестов. Поэтому крест, приплывший к Кушереке, видимо, обвалился где-то в другом месте.

На побережье и островах Белого моря и Северного Ледовитого океана было много поморских крестов, громадных – 8–10 м высотой и небольших – до 2 м. Они служили навигационными знаками и отмечались в рукописных поморских лоциях. Их ставили поморы по обету-обещанию в честь чудесного спасения или богатого промысла. На тонях и становищах – на местах промыслов – служили часовнями, возле которых совершались религиозные обряды. Были и памятные кресты на могилах промысловиков, умерших во время промысла или погибших в море. Чаще это были простые восьмиконечные кресты, иногда под крышей – «голубцом». Были и кресты настоящие произведения искусства с узорами и умело вырезанными буквенными киптограммами, с изображением креста и голгофы. Судя по описаниям, именно такой резной крест был и в Кушереке.

С Кушерецким крестом связана и другая, трагическая история. В годы Гражданской войны два молодых солдата из красных стали по нему стрелять метров с десяти. Выстрелы гремят. Щепки летят. Весело. Вдруг оба упали. Подошли люди и увидели, что один был убит наповал, другой тяжело ранен и вскоре скончался. Оказалось, пули от креста обратно в них прилетели.⁸

Жила Кушерека морскими промыслами. В марте мужчины и мальчики-подростки уходили на Мурман – побережье Баренцева моря – на добычу рыбы, вторая партия уходила в мае, когда Белое море освобождалось ото льда, возвращались осенью к Покрову. Начиналось жаркое время свадеб и любви, недаром дети в основном рождались в августе-сентябре. «Отпуск» продолжался до Крещения, и снова наступали трудовые будни. Ходили в извоз, ловили навагу, строили суда, справляли дома, амбары, бани, готовились к промыслу. Наступал март, и снова укладывались на саночки-лодки, называемые «кережками»⁹, немудреные пожитки и отправлялись промысловики пешком через Кольский полуостров к становищам Мурман. Село пустело, все работы по дому и в поле ложились на плечи женщин. Сеяли рожь, ячмень-«жито», картофель, репу, другие огородные культуры, сено косили. Удобных пахотных земель и сенокосов было мало. Отдельные сенокосы были от села за 20 верст. Выращенного хлеба хватало на несколько месяцев, да и то не каждый год. Держали скот – лошадей, коров, овец, коз. Так и текла жизнь из года в год установленным порядком.

Саша был первенцем в семье моряка Степана Григорьевича и Фёклы Андреевны. Жили они в те годы бедно в маленькой прогнившей избушке с подслеповатыми разновеликими окнами, зимой прикрывавшимися мешками с сеном. Достаток придёт позднее, когда Степан Григорьевич будет капитаном, но в те годы жили очень тяжело.

⁷ Кононов А. М. Кушерецкий приход // Север, № 2, 1996, С. 157–158.

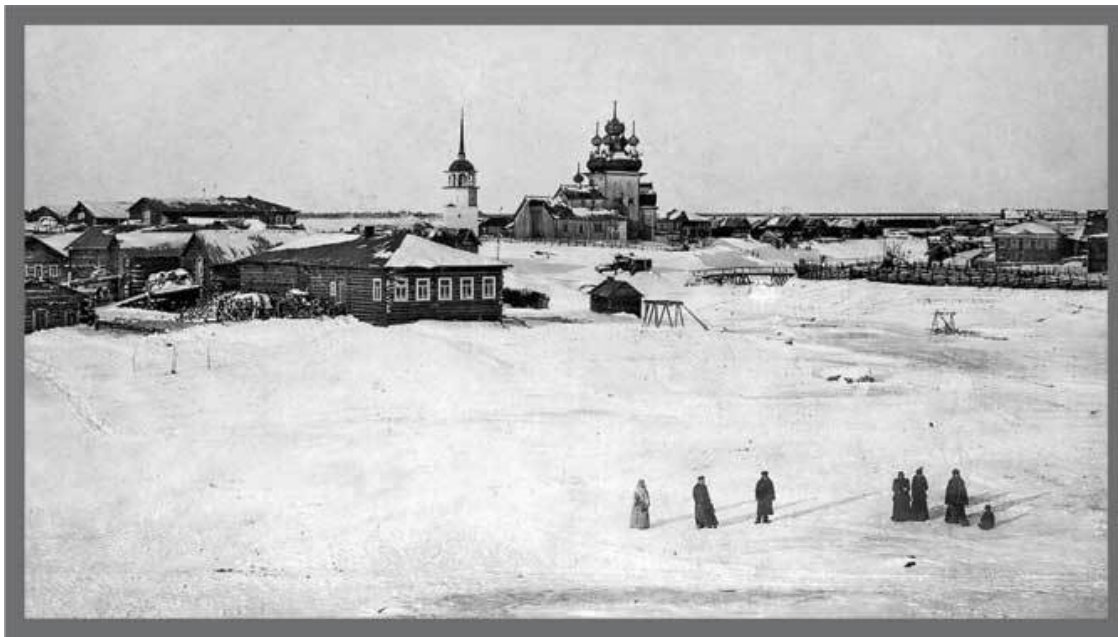
⁸ Дерягин Г. Б., Харлин Л. А. Старая Онега. Онега, 2012. С. 173–174.

⁹ Форму санок «кережек» в виде лодки с одним полозом русские позаимствовали у саамов.

Такая жизнь угнетала Фёклу Андреевну, происходившую из обеспеченной семьи. Хотя хозяйство было и невелико – корова и несколько овец, но был земельный надел и сенокосный участок. Работы много: землю вспахать, зерно посадить, сжать, высушить, обмолотить, сено скосить, высушить, сметать в стог. В других семьях на летние работы выходило до десятка человек: снохи, незамужние дочери, подросшие внуки под предводительством «большухи» – старшей женщины в семье. У Кучиных Фёкла Андреевна работала в поле одна. Вероятно, именно в эти годы она подорвала здоровье, стала болезненной и нервной.

Ещё одна забота тяготила Фёклу Андреевну. Не было средств нанять няньку. Сашу приходилось оставлять дома одного. В таких случаях в деревнях ребёнка привязывали к ножке стола, чтобы далеко не уполз, ставили миску с едой и закрывали дверь – «Мать Богородица с детишками вóдица». Женщина властная, во всем любящая порядок, на семейном корабле капитаном была, несомненно, Фёкла Андреевна.

Первые Сашины впечатления – маленький дом на высоком угоре, тропинка, сбегающая к быстрой речке, запах смолистых стружек строящегося дома, то ласковая, то раздражённая мать, редкие встречи с отцом, походы с ним в церковь, горячие шаньги в семье псаломщика, куда заходили после службы. Когда родились сестрички, первой нянькой и другом для них стал Саша.

Село Кушерека. Фото нач. XX в. (Из фондов АКМ)

Метрическая книга с записью о рождении А. Кучина (Из фонда ГААО)

Город Онега. Фото нач. XX в. (Из фондов АКМ)

Похвальный лист Онежского городского трёхклассного училища А. Кучину. 1901 г. (Из фондов АКМ)

Ему ещё не было семи лет, когда он пошёл в школу. В селе была приходская школа Министерства народного просвещения. В соответствии с Положением о народных училищах 1864 года в таких школах обучали Закону Божию (краткий катехизис и священная история, чтение по книгам гражданской и церковной печати), письму, первым четырём действиям арифметики.¹⁰ Учились вместе – мальчики и девочки.

В Кушереке ежегодно рождалось 50–60 младенцев (Саша Кучин как младенец мужского пола записан под № 20 в метрической книге). В школе же училось около 40 детей 7–11 лет. Далеко не все получали даже начальное образование. Мальчики-зуйки, начавшие ходить на промысел в 9–10 лет, в школу не возвращались. Они и их родители считали, что умения сделать подпись, складывать и вычитать вполне достаточно для жизни промысловика.¹¹

Семья Степана Кучина и здесь отличилась. По уже упоминавшейся переписи 1897 года грамотными были все кроме малолетних Фроси и Ани. Переписчиком в волости был сам Степан Григорьевич как человек грамотный, пользовавшийся уважением и доверием.

Саша рос смыслённым мальчиком. Односельчане говорили о его раннем развитии, любознательности, остроумии, но кушерецкие бабушки шептали: «Не жилец он на этом свете». После окончания начальной школы Саша отправился учиться в Онегу.

Онега того времени – уездный город с 2,8 тыс. жителей (всего лишь в 2 раза больше, чем в Кушереке), вытянувшийся вдоль реки Онеги. Как в деревне, здесь по утрам гонят стадо на выпас, поют петухи. Рядом с домами огороды с луком и картошкой. Но это уже город с регулярной планировкой, в соответствии с Генеральным планом застройки, утверждённым

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи. СПб, 1876. Т. 3. С. 1342–1350.

¹¹ Попов Г. П., Давыдов, Р. А. Мурман. Екатеринбург, 1999. С. 34.

Екатериной II в 1874 году. Параллельно реке – проспекты Соборный, Средний, Загородный, поперек – улицы. Екатерина II не только дала статус города Усть-Янскому селению, но и придумала название «Онег», пожертвовала 8000 рублей на строительство каменного Троицкого собора, учредила таможню.

Таможня, как и лоцманская служба, здесь была необходима. Онега – город-порт международной торговли рыбой и лесом. Рыбу ввозили из Северной Норвегии, где её обменивали на муку и крупу, засаливали в трюмах своих судов и продавали в Архангельске, Петербурге, других городах. Эта торговля, получившая название «поморской торговли», длившаяся более двух веков, немало способствовала взаимовлиянию двух культур и экономическому развитию регионов. «Город этот, в сравнении с уездными городами Архангельской губ., несколько богаче, чище и промышленнее, благодаря тому, что имеет гавань и ведет лесную торговлю с иностранцами».¹²

В Онеге и окрестностях было несколько лесозаводов, принадлежавших иностранцам – англичанам и норвежцам. Оборудование импортное, высокотехнологичное по меркам того времени. Для его обслуживания, как и для управления предприятиями, ведения экспортных операций требовались грамотные люди. Вот и посылали онежане своих детей учиться: конторщики с лесозаводов – в Англию и Петербург, шкипера – в Норвегию.

Эти конторщики, моряки, купечество и уездные чиновники определяли культурную жизнь города, которая здесь была весьма оживленной. Три дня отмечали 100-летие со дня рождения А. С. Пушкина с пушкинскими чтениями и торжественным Пушкинским вечером в Общественном собрании. В городе были библиотека, Народный театр в Клубе купцов, где самодеятельные артисты играли пьесы из русской классики. Зимой заливали каток.

«Онега – та же Норвега, только говоря другая», – говорили в то время.

Вот в этом городе в Городском трёхклассном училище и продолжил своё образование Александр Кучин. Он учился здесь с 1899 по 1903 год. Сохранился аттестат об окончании училища. Оценки «отлично» по русскому и церковно-славянскому языкам, арифметике, геометрии, естествоведению и физике, истории, географии. «Хорошо» по Закону Божию, чистописанию, черчению и рисованию.¹³ По Положению о городских училищах 1872 года он имел право без экзамена получить первый классный чин на государственной службе и пользоваться льготами при прохождении воинской службы.

¹² Белов В. Описание Архангельской губернии для народных училищ. Архангельск, 1913. С. 69.

¹³ ОИММ кп № 1360.

АТТЕСТАТЪ.

Предъявитель сего *Кучинъ Александръ Степановичъ*,
сынъ *мещанина изъ крестьянъ, православнаго*
вероисповѣданія, родившійся *мѣсяца Сентября*
1888 года, обучался съ *1899* по *1903* годъ и окончилъ полный курсъ
ученія въ Онежскомъ городскомъ трѣхклассномъ училищѣ.

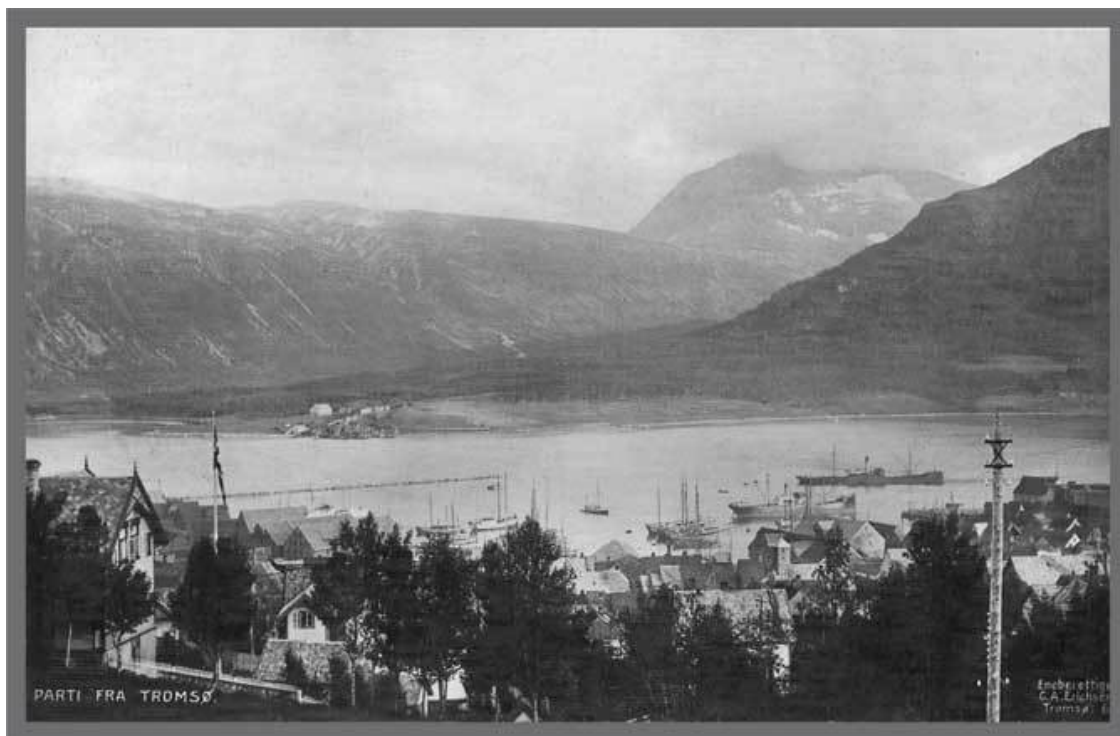
При *отличномъ (5)* поведеніи оказалъ успѣхи:

по Закону Божію	<i>хорошій (4)</i> ,
„ Русскому и церк.-славян. яз.	<i>отлично (5)</i> ,
„ Арифметикѣ	<i>отлично (5)</i> ,
„ Геометріи	<i>отлично (5)</i> ,
„ Естественнѣйшій и физикѣ	<i>отлично (5)</i> ,
„ Исторіи	<i>отлично (5)</i> ,
„ Географіи	<i>отлично (5)</i> ,
„ Исторіи писанію	<i>хорошій (4)</i> ,
„ Черченію и рисованію	<i>хорошій (4)</i> ,

№ 187.

и сверхъ того обучался пѣнію и гимнастикѣ, а потому онъ,
Кучинъ Александръ, на основаніи ст. 39 Высочайше
утвержденнаго 31 мая 1872 г. Положенія о городскихъ училищахъ,
при производствѣ въ первый классный чинъ, если онъ на основаніи
существующихъ узаконеній имѣетъ право вступить въ государ-
ственную службу, освобождается отъ установленнаго для сего испы-

Аттестат об окончании Онежского городского трёхклассного училища А. Кучина (Из фондов АКМ)

Вид города Тромсё. Фото нач. XX в. (Из фондов АКМ)

Школа, в которой учился А. Кучин в городе Тромсё. Фото нач. XX в. (Из фондов ОИММ)

Летом 1903 года Степан Григорьевич везёт сына в норвежский город Тромсё для обучения языку. О какой судьбе мечтал отец для Александра? Наверное, о том, что сын продолжит дело отца, будет капитаном дальнего плавания, судовладельцем, будет жить вместе с

семьёй в большом доме, который он построил в Онеге. Для этого нужно знать языки, прежде всего норвежский. О чём мечтал сын? Неизвестно, во всяком случае, не о торговле рыбой. В его библиотеке зачитанная до дыр книга о путешествиях Фритьофа Нансена в Гренландию, о походе на знаменитом «Фраме» по северным морям и к Северному полюсу, а ещё книжка о закаливании.¹⁴ Саша серьёзно готовился к своему будущему.

Вот он в этом городе, который всего лишь семь лет назад с ликованием встречал Нансена и его товарищей из их беспримерного дрейфа на «Фраме», длившегося более трёх лет.

Тромсё, или Тромсин, как его называли поморы в своих лоциях – рукописных навигационных книгах, стоит на острове посреди фьорда. Лаконичные по архитектуре дома взбегают в гору. По вечерам окна светятся как маяки – норвежцы не любят закрывать их плотными шторами. В центре города дома стоят сплошной стеной, примыкая друг к другу, ближе к окраинам разбегаются, образуя маленькие аккуратные дворики. Католический собор Пресвятой Девы Марии столь же прост и строг. Его колокольня с часами видна издалека и служит прекрасным ориентиром. Внизу у воды – причалы, склады, таможня (практичные норвежцы красят их, как дома и другие постройки, железным суриком от гнили, оттого они темно-красные) и, конечно, лес мачт торговых и рыболовецких судов: шхуны, яхты, галиоты, ёлы, поморские лодьи. Некоторые, кроме парусного вооружения, имеют и паровые машины. Стоят у причала и пароходы, в том числе и российские. Тромсё – конечный пункт на линии Архангельско-Мурманского срочного морского пароходства.

Саша полюбит этот город, назовёт год, проведённый здесь, «счастливым временем», будет с удовольствием возвращаться сюда. Жил Александр в доме Гамундсенов. С этой семьёй у него сохранились добрые отношения. Именно тётя Тина, так звал хозяйку дома Александр, будучи очень больной, будет напутствовать его перед экспедицией на Полюс: «Возможно, будет много тяжёлых минут в таком путешествии, в которое ты готов отправиться. Езжай с Богом. Он никогда не подведёт»¹⁵. Дом сохранился до настоящего времени.

У Александра в Тромсё было много знакомых. Особенно он подружился с семьёй Хагеманнов. Глава семьи Аксель Хагеманн – лесовод. Долгое время он работал в управлении лесами Северной Норвегии, был мэром Альты и депутатом стортинга. Деятельный, энергичный, пользующийся популярностью человек. Автор нескольких книг и множества статей. У него было пятеро детей: три сына – Бартольд, Отто и Аксель и две дочери – Элизабет и Марит. Александр особенно был дружен со старшим сыном Бартольдом, который был моложе его всего на год. Дружба с ним будет дружбой на всю жизнь, а сохранившаяся переписка многое расскажет и о самом Александре.

Эти письма стали известны совсем недавно. С их обретением связана любопытная история, о которой следует рассказать подробнее. В 2008 году в Архангельске проходила международная конференция, посвящённая холодной войне в Арктике. Во время неё норвежский исследователь Бьёрн Братбак спросил участницу конференции Татьяну Мельник, известно ли ей что-либо об Александре Кучине. Татьяна Фёдоровна, как она говорила, потеряла дар речи – она много лет занималась генеалогией рода Кучиных и собирала материалы о нём. Б. Братбак сообщил, что у его друга Фредрика Хагеманна многие годы хранятся письма русского друга к его дяде Бартольду, и спросил, интересны ли они кому-либо в России. «Безусловно!» – воскликнула Татьяна Фёдоровна. После того как норвежцы узнали, что в Онеге работает мемориальный музей Александра Кучина, вопрос, где храниться письмам, был решён окончательно. В мае 2009 года восьмидесятилетний Фредрик Хагеманн приехал в Онегу, чтобы подарить письма, фотографии, открытки Онежскому музею.

¹⁴ ОИММ КП №№ 3714 и 3715.

¹⁵ ОИММ № 1320/5.

Интерес к письмам у исследователей и краеведов был велик. Но как быть? Переписка велась на норвежском языке. Может быть, ещё долгие годы эти письма пролежали бы без движения, что не редко случается с нашими музейными реликвиями, если бы не 100-летний юбилей покорения Южного полюса, если бы не международный межмузейный проект выставки «Холодные берега – близкие отношения», посвященный морской культуре русских поморов и северных норвежцев, где главными героями стали два участника той экспедиции: Хельмут Хансен и Александр Кучин. В рамках этого проекта удалось осуществить перевод писем.

Первое письмо датировано 29 мая 1904 года. Кучин написал его в Хаммерфесте на пути в Россию. Следует отметить, что все письма датированы по григорианскому календарю, который будет введён в России в 1918 году. Письмо весьма рассудительно. *«Примите мои пожелания: учитесь хорошо и будьте хорошими детьми для своих родителей и на радость учителям. Я буду радоваться тому, что мои маленькие друзья станут добрыми, хорошими людьми. Я вас никогда не забуду, вы внесли так много света в мою жизнь, когда был вдали от родителей, сестёр и русских людей».*¹⁶

¹⁶ ОИММ № 1320/1.

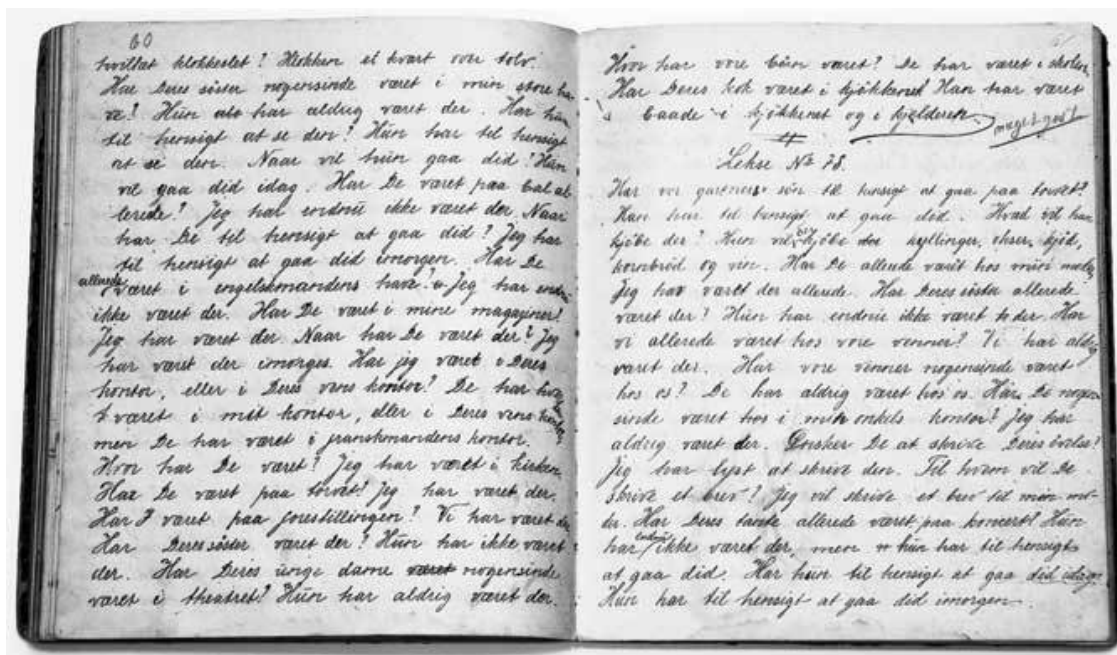
Александр Кучин. Тромсё. 1904 г. (Из фондов АКМ)

Бартольд Хагеманн. Тромсё. 1908 г. (Из фондов ОИММ)

Бартольд, Отто и Аксель Хагеманны. Тромсё. 1904 г. (Из фондов ОИММ)

Тетрадь по норвежскому языку А. Кучина. Тромсё. 1904 г. (Из фондов АКМ)

Саша ехал в Териберку – одно из старейших становищ поморов на Мурмане, известное с XVI века. В начале XX века это крупное поселение, которое было и факторией – местом, где промышленники могли купить необходимые товары и продать улов, и становищем, где жили во время промыслов, и колонией с небольшим постоянным населением. Здесь были маленькая больница Красного креста и две православные церкви.

Письмо Саши Кучина из Териберки 12 июня: «Дорогие Бартольд, Отто и Аксель! Я прибыл сюда 4 июня. 6 июня был на борту парохода с 3 часов утра до 2 дня. Погода была такая мерзкая, что невозможно было смотреть против ветра. Шёл снег и дождь, ужасно штормило. Сегодня мне также пришлось стоять у руля, но погода прекрасная, вода блестящая. В свободное время я хожу в долину, там нет ни одного дерева. Повсюду видны только камни. В воскресенье я ходил в русскую церковь. Это бедная церковь, но я был так доволен. Мы, все жители, просили Господа Бога нашего о победе над японцами. Думаю, что вся Россия делает то же самое. Думаю, Бог услышит нашу молитву и даст нам победу. Сейчас я услышал о русской победе. Я встаю в семь часов или в восемь и иду в контору. В субботу, воскресенье или в понедельник стою у руля на пароходе. Мой отец на пути сюда. Скоро он придет в Тромсё. Следующим летом я поеду в Тромсё. Зимой буду учиться в Архангельске и сфотографируюсь и пошлю вам мои фотографии. Каждый день я очень занят и так устаю, что нет времени на чтение. На этом заканчиваю своё письмо. Пожалуйста, передайте привет вашим родителям и Элизабет. Привет также всем моим знакомым. Прощайте, друзья мои. Прошу вас писать мне письма, потому что здесь очень одиноко»¹⁷.

Работал Саша добросовестно. В другом письме: «У меня немного тяжёлой и трудной работы, но я все делаю хорошо. Мои начальники мной довольны, и я рад, что могу приносить пользу»¹⁸.

У кого работал Саша в Териберке, достоверно неизвестно. В письме говорится, что он работает «в конторе» и «стоял у руля на пароходе». Скорее всего, на фактории, у старого друга отца Е. В. Могучего. Эти месяцы не были зачтены как плавательный стаж, необходи-

¹⁷ ОИММ № 1320/2.¹⁸ ОИММ № 1320/3.

мый для поступления в Архангельское торгово-мореходное училище, вероятно, потому, что работа на фактории не требовала регулярного выхода в море.

В литературе, посвящённой Александру Кучину, часто говорится о том, что он был зуйком на промысле чуть ли не с 9-летнего возраста, был и на Мурмане, и на Новой Земле, на норвежском зверобойном промысле. Так, Бергман Г. А., открывший имя А. С. Кучина, пишет, что до поступления в мореходное училище «летом служил юногой на судах, промыслявших зверя в Баренцевом и Карском морях, побывал на Шпицбергене и Новой Земле, плавал в Норвегию»¹⁹. Он основывался на воспоминаниях сестёр Анны Степановны и Елизаветы Степановны. Те в то время были маленькими девочками. Они помнили, что Саша был на зверобойном промысле, об этом, наверное, много говорили в семье, но было это в более позднее время, когда он учился в мореходном училище, да и зверобойным промыслом в указанном регионе онежане не занимались.

На наш взгляд, противоречит здравому смыслу и то, что Саша был зуйком. Зуйками называли подростков, работавших на мурманских рыбных промыслах. Отец его, Степан Григорьевич, действительно стал зуйком в 9 лет и полной чашей хлебнул эту тяжкую долю. Он, сирота, пошёл туда из-за великой нужды. Когда подрос Саша, Степан Григорьевич уже был капитаном и совладельцем судна. Работать из-за куска хлеба необходимости не было. Вряд ли он согласился бы послать любимого сына, который, как и он сам, не отличался могучим телосложением, в зуйки с чужими людьми. Дома матери он был нужнее, тем более что семья росла.

В личном деле из Архангельского торгово-мореходного училища говорится, что он начал ходить в море с 15 лет.²⁰ Для подтверждения плавательного стажа были предоставлены справки о плавании в 1902 и 1903 годах на судне «Св. Николай»²¹. Работа «мальчика при каюте», так называлась эта должность, на судне, где совладельцем и капитаном собственный отец, вряд ли даже отдаленно похожа на жизнь бесправного зуйка.

Почему же в 1904 году Саша не на отцовской шхуне, а в Териберке? Стремление ли это юноши поскорее начать взрослую самостоятельную жизнь или желание отца познакомить сына с рыболовным промыслом?

В Териберке Саша проработал два месяца, отсюда он послал заявление о приёме во второй общий класс Архангельского торгово-мореходного училища. В августе вернулся в Онегу, к этому времени семья переехала в новый дом на Загородной улице. Улица хоть и называется Загородной и это была окраина города, но дом Кучиных стоит всего в 300 м от Троицкого собора, купола которого видны из передних окон. Дом большой, двухэтажный, городской планировки, рассчитан на большую семью. Он сохранился, но перенесён на другое место. В нём разместились Онежский историко-мемориальный музей Александра Кучина, а прежнее место занял больничный городок.

В сентябре Александр выдержал экзамен и был принят во второй класс Архангельского торгово-мореходного училища.

Архангельск начала XX века вряд ли можно назвать провинциальным городом, хотя он и отстоит от столичных Москвы и Петербурга на сотни километров. Основанный по указу Ивана Грозного в 1583 году как крепость, призванная защищать северные границы государства Российского, он вскоре становится международным морским портом, единственным морским портом, связывавшим Россию с Западной Европой. Десятки кораблей из Голландии, Англии и других стран стояли на рейде Северной Двины. Привозили ткани, предметы роскоши, вооружение, серебряные монеты, из которых чеканили русские рубли и гривен-

¹⁹ Бергман Г. А. Капитан А. С. Кучин // Летопись Севера. Т. 3. М., 1962.

²⁰ ГААО Ф. 207. Оп. 1. Д. 185. Л. 9.

²¹ ГААО Ф. 207. Оп. 1. Д. 185. Л. 5.

ники – своего серебра России не доставало. Вывозили хлеб, лён, смолу. На канатах из русской конопляной пеньки держался весь королевский английский флот. Беломорскую слюду высокого качества называли в Европе «мускавит». С основанием Петербурга международная торговля сократилась, но на рубеже XIX – XX веков вновь оживилась. Главный экспорт – лес. Как грибы по берегам Двины, Маймксы, Кузнечихи растут лесозаводы. Около них – плоты бревен, сплавленных с больших и малых речек. У причалов суда под погрузкой досок.

Экономика на подъёме. Хорошеет и город, вытянувшийся вдоль реки. Как и в Онеге, параллельно реке – проспекты: Троицкий, Псковский, Петербургский, Новгородский, Московский, поперек – улицы: Пермская, Костромская, Вологодская, Ижемская. Названия-то какие, будто вся Россия собралась здесь, на краю земли. В Соломбале – морской части Архангельска, расположенной на островах напротив города, улицы назывались – Английская, Французская, Датская, Американская – весь мир здесь.

Жителей в Архангельске по сегодняшним меркам немного, в 1910 году всего 34–35 тыс. человек. В центре на мысе Пур-Наволоок свидетель былой славы – Гостиные дворы, где размещали свои товары русские и иностранные купцы. За ними на Троицком проспекте административная часть города с Присутственными местами, Городской думой, домом губернатора и памятником земляку М. В. Ломоносову скульптора А. Мартоса, поставленному здесь в 1867 году. Великий учёный изображён в римской тоге с лирой в руках. Печально смотреть на него в зимние морозы, когда на его голых плечах и голове лежат сугробики снега. По другую сторону Ломоносовской площади – Мариинская женская и Ломоносовская мужская гимназии.

К северу от площади в сторону моря – «немецкая слобода»: уютные ухоженные дома с садами, где жили потомки европейских переселенцев и иные иностранцы, которых привлекали богатства Севера, евангелическая церковь Св. Екатерины, Александровский сад. К югу – Летний сад, где зимой заливали каток, Гагаринский сквер и Соборная площадь с Троицким собором, построенным в 1765 году, в словаре Брокгауза и Ефрона названным светлейшим собором России. Рядом под каменным футляром – домик Петра I, где он жил во время пребывания в Архангельске в 1696 году и перевезённый сюда с Маркова острова. Позднее, в 1914 году, здесь появится и памятник императору. На берегу Соборная пристань. Отсюда отправлялись суда в арктические экспедиции. Отсюда в 1912 году будут провожать экспедицию Г. Я. Седова. Здесь в 1915 году будут встречать экспедицию Б. А. Вилькицкого.

В городе большая библиотека, три музея: городской публичный музей в здании Городской думы, рыбопромышленный музей и епархиальное древлехранилище при Михаило-Архангельском монастыре. Своего театра нет, но время от времени дают спектакли приезжие труппы. Любительские спектакли и концерты устраиваются в Коммерческом и Благородном собраниях. В 1904 году было образовано Архангельское общество изучения Русского Севера, объединившее людей, неравнодушных к его судьбе. Общество организовывало выставки, лекции, издавало «Известия общества», где печатали научные статьи и сообщения.

Вместе с тем в быту, обрядах, укладе жизни были сильны старинные поморские традиции – пополнялся город в то время в основном жителями окрестных сёл и деревень.

Архангельск того времени похож на жёнку-архангелогородку писателя Б. В. Шергина – платье по последней парижской моде, а на голове повойник (шапочка замужней женщины, закрывавшая волосы) – «не нами наложен».

В Архангельске Александр Кучин проживёт пять лет, будет возвращаться сюда и позднее. Эти годы и учёба в училище определяют всю его дальнейшую жизнь. Здесь будет много работы, борьба, разочарование, первая любовь, радость познания и многое-многое другое.

II. В Мореходном училище

Архангельское торгово-мореходное училище, где предстояло учиться Александру Кучину, было одним из передовых учебных заведений того времени.

Основанное ещё в 1781 году указом Екатерины II как мореходная школа для снабжения шкиперами и штурманами купеческих кораблей, в конце XIX века оно претерпело существенные изменения.

Экономическое развитие Севера, колонизация Кольского полуострова и Новой Земли, расширение внешней торговли, появление пароходов и ледоколов требовали качественно нового уровня подготовки как судоводительских кадров, так и финансистов. Благодаря усилиям министра финансов С. Ю. Витте и архангельского губернатора А. П. Энгельгарта в 1899 году на базе шкиперских курсов было образовано Архангельское торгово-мореходное училище, выпускники которого осваивали Северный морской путь, становились капитанами дальнего плавания. Высокий уровень базовых знаний и навыков, полученных во время учебы в училище, были ключом их успешной работы. Именно поэтому интересно посмотреть, как же готовили мореходов в Архангельске, что они были нарасхват и у российских, и у зарубежных судовладельцев.

Финансировалось училище из Государственного казначейства, средства которого составляли около половины бюджета, кроме того, деньги выделяли губернские и городские власти, купечество, пароходство. Были и так называемые специальные средства, которые складывались из платы за обучение, процентов с капитала, дарованного училищу императором Николаем II при его открытии, вкладов меценатов. Обучение одного ученика в течение года в 1908 году обходилось в среднем 336,7 руб., при том что плата за обучение составляла 10 рублей.

Училище было хорошо оборудовано за счёт одной из данной ему привилегий беспослиного приобретения за границей приборов, инструментов и иных учебных пособий.

В училище было два отделения – торговое и мореходное. В торговом готовили специалистов для работы в торгово-промышленных учреждениях. Обучались там четыре года: два года в общих классах по общеобразовательной программе и два года в специальных классах, где приобретали профессиональные знания и навыки. В мореходном отделении, готовившем шкиперов и их помощников для плаваний на торговых судах, учились пять лет: два в общих классах, три в специальных. Обучаться могли юноши всех сословий, находившихся в русском подданстве. По статистическому отчету 1907 года в училище было 63 ученика.²² Из них сыновей дворян – 8, духовного звания – 2, почетных граждан и купцов 1-й гильдии – 13, мещан – 18, крестьян – 22. Училище было весьма демократичным заведением.

В первый общий класс принимали мальчиков 13–19 лет, годных по состоянию здоровья и с хорошим зрением, прививкой от оспы, предоставивших свидетельство о двухмесячном плавании в открытом море и с «одобрительным отзывом о способности к морской службе», а также свидетельство об окончании учебного заведения третьего разряда. Имевших аттестат об окончании учебного заведения второго разряда, как Александр Кучин, принимали во второй общий класс. Для поступления сдавали экзамены. Отбор был суровым. Да и в последующем хорошими оценками особо не баловали, спрашивали строго. Если ученик не усваивал курс, его могли оставить на второй год, но только один раз в течение курса. Не сдавших переводных экзаменов во второй раз исключали из училища. По тому же статистическому отчету было уволено за неуспеваемость 12 человек, а 7 учеников оставлено на второй год. В

²² ГААО Ф. 207. Оп. 1. Д. 317.

1907 году на курсе 1-го специального мореходного класса вместе с Александром Кучиным обучались 30 человек, а к выпускным экзаменам осталось только 13.

Правда, кроме успеваемости были и другие причины. Учёба была платной. Нужно было ещё приобретать особое обмундирование – байковую рубашу, тельняшку, брюки, фуражку, шинель, полупальто, башлык, погоны. Иногородним – платить за квартиру, питаться. Не все семьи могли вынести такое бремя. Неимущим выплачивали стипендии, кого-то освобождали от платы за обучение, тем не менее из-за невозможности оплатить обучение некоторые ученики были вынуждены покинуть училище. Всего один год недоучился друг Александра Володя Гринер.

Занятия в училище шли своим чередом. Нагрузки возрастали. Чему же там учили?

Числа часов учебных занятий в неделю²³

№	Предмет	Общие классы		Торговое отделение		Мореходное отделение		
		1 кл.	2 кл.	1 кл.	2 кл.	1 кл.	2 кл.	3 кл.
1	Закон Божий	1	2	2	1	2	1	1
2	Русский язык	4	3	2	3	2	2	1
3	История	2	2	2	–	2	–	3
4	География	3	3	–	–	–	–	–
5	Арифметика	6	–	–	–	–	–	–
6	Геометрия	4	3	–	–	–	–	–
7	Алгебра	–	5	2	–	2	–	–
8	Физика	2	3	3	–	3	–	–
9	Зоология и ботаника	22	–	–	–	–	–	–
10	Чистописание	1	–	–	–	–	–	–
11	Черчение и рисование	2	2	–	–	–	–	–
12	Английский язык	3	3	2	3	2	2	2
13	Немецкий язык	–	3	3	3	3	2	2
14	Коммерческая арифметика	–	–	2	2	–	–	–
15	Бухгалтерия	–	–	5	5	–	–	–
16	Судовая отчётность и коммерческая корреспонденция	–	–	–	–	–	2	1
17	Товароведение	–	–	2	4	–	–	–
18	Химия	–	–	–	2	–	–	–
19	Коммерческая география	–	2	2	2	2	–	–
20	Законоведение	–	–	2	2	2	2	2

Учиться было сложно, но и престижно. Здесь был очень сильный для провинциального учебного заведения преподавательский состав. Начальник училища полковник М. М. Беспятов – автор учебника по навигации²⁴; среди преподавателей были выпускники университетов, высших морских учебных заведений. Была в училище и должность тимермана – специалиста по такелажу парусных судов, долгие годы её занимал бывший руководитель мореходных классов из Сумского посада П. К. Рюхин, учивший не только шить паруса и изготавливать иную оснастку судна, но и создавать модели судов. Модели самого

²³ ГААО Ф. 207. Оп. 1. Д. 208. Л. 78.

²⁴ Беспятов М. М. Учебник по навигации. Типография Т-ва А. Ф. Марксъ. СПб, 1908.

П. К. Рюхина долгие годы служили учебными пособиями для курсантов Архангельского торгово-мореходного училища, участвовали в российских и международных выставках.

Размещалось училище в каменном особняке на набережной Северной Двины, построенном в первой половине XIX века. При нём был сад, где проходили практические занятия по астрономии и были установлены солнечные часы системы «Флеше», с точностью до минуты показывавшие архангельское время. Было в училище и общежитие для иногородних учеников под присмотром воспитателя, который находился тут же. Проживание в общежитии при готовом питании стоило 15 руб. в год.

Окна особняка смотрели на широкую Северную Двину, ветвившуюся в этом месте на два рукава – Кузнечиху и Маймаксу. Летом был виден лес мачт судов, стоявших на рейде и у многочисленных причалов. Занятия начинались 15 октября, когда навигация уже завершалась и этой красоты учащиеся не видели, а заканчивались – 15 мая, когда река только-только освобождалась ото льда. Учащиеся мореходного отделения часто отправлялись на суда в марте-апреле, и тогда классы закрывались досрочно. Для получения аттестата об окончании училища необходимо было иметь плавательный ценз, подтверждённый документально, т. е. быть в море 17 месяцев. Совершеннолетние выпускники, достигшие 21-летнего возраста, проплававшие 24 месяца, получали диплом штурмана 2-го разряда без дополнительных испытаний. Это было одной из привилегий Архангельского училища и свидетельствовало о признании высокого уровня подготовки. Из всех морских учебных заведений России гражданского флота подобная привилегия была ещё только у Одесского училища торгового мореплавания.

Здание Архангельского торгово-мореходного училища. Фото нач. XX в. (Из фондов АКМ)

Ученический билет А. Кучина. 1908 г. (Из фондов МАА)

44в. ош.

Его Высокоблагородию
Господину Начальнику
Архангельского Морско-Мореходного
Училища

Крестами сохи Виссочайше
уважаю Александра Кучина

Прощение.

Покорнейше прошу включить меня в список пре-
лагаемых поступающих в второй общий класс Морско-
ходного училища. Мотивируюсь свидетельствами, сви-
детельство об окончании курса в Виссочайшем мореходном
училище и свидетельства с плаванием представляю
к 1-му сентября.

В почитании Александр Кучин

Муромская, 30-е июля 1904-го

24/04

Заявление А. Кучина о приёме в Архангельское торгово-мореходное училище. 1904 г.
(Из фондов ГААО)

15 октября 1904 года началась учёба Александра Кучина. Перед занятиями – общая утренняя молитва. В 9 часов – первый урок. Ежедневно – пять уроков, каждый 55 минут. Пятиминутные перемены, после третьего урока большая перемена – 30 минут. После занятий – подготовка к следующему дню. По воскресеньям и праздничным дням – богослужение в соседней Успенской церкви, где священником был преподаватель Закона Божия В. И. Любавский. Ходить в театры и смотреть иные публичные представления можно было только с разрешения классного наставника или инспектора. Посещать рестораны, портерные (пивные) и прочие подобные заведения, как и курить табак, строго воспрещалось. Но

для второго общего класса это не самая большая проблема. Куда сложнее было выполнить следующий пункт «Правил для учеников Архангельского торгово-мореходного училища»: «Ссоры, брань и драки между учениками строго воспрещаются, ещё строже преследуется злоупотребление силою против слабейшего»²⁵.

Впрочем, Саша не был забиякой. Судя по его письмам норвежским друзьям, он много занимается, особенно языками: *«Я учу английский и немецкий. С английским у меня хорошо и у меня вторая отметка, по немецкому у меня отметка первая, но я ничего не могу. Немец не может нас научить по-хорошему, и мы воюем с ним... Многие мальчики говорят на немецком и английском. Но сейчас я должен заканчивать, потому что на завтра так много уроков и я должен их выучить»*²⁶. (Письмо от 13 ноября 1904 года.) Он сопереживает событиям русско-японской войны: *«Я буду моряком и пойду на войну во флоте. Но сначала я буду плавать на нашем «Николае» в Норвегию. Наш директор скоро уйдет на войну. В Архангельск скоро приедут раненые с театра военных действий. Некоторые из них прибудут в госпиталь нашего училища. Они, я думаю, много расскажут о войне»*²⁷. (Письмо от 13 ноября 1904 года.) *«Вчера у нас была лекция о рентгеновских лучах. Все деньги идут солдатским вдовам»*²⁸. (Письмо от 23 декабря 1904 года.)

Летом 1905 года он в море почти пять месяцев, «4 месяца, 26 дн.» – так будет записано в его личном деле. На каком судне и с кем ходил Александр, неизвестно.

Письмо от 28 октября 1905 года: *«Десятого я пошёл в училище. С учёбой у меня всё хорошо. На днях получил единицу по астрономии. Не писал Вам так долго, потому что в России беспорядки. Я не уверен, что это письмо дойдёт. Жить в России тяжело»*. 23 ноября он его дописывает: *«Почта бастовала, и мне не удалось отправить письмо 28.10. У нас учеников была стычка с торговцами, и мне поранили ногу. Сейчас мы получили конституцию в России и праздновали 8 дней»*²⁹.

Волна Первой русской революции 1905 года докатилась и до Архангельска. С энтузиазмом встретил Архангельск Высочайший Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», более известный как Манифест 17 октября, который А. Кучин называет конституцией. Манифест провозглашал: «Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собрания и союзов. Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий, поставленных от Нас властей». Император призывал «всех верных сынов России вспомнить долг свой перед Родиной, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле».

Тишины и мира не получилось.

18 октября по улицам Архангельска прошла многочисленная демонстрация с красными флагами и пением марсельезы. Во главе демонстрации – политссыльные, которых было немало в Архангельске. «Краем не столь отдалённым» именовалась ссылка в Архангельскую губернию на языке революционеров. Среди демонстрантов учащаяся молодёжь торгово-мореходного училища, технического училища, гимназий, семинарии, других учебных заведений, преподаватели. Срывались национальные флаги и портреты царской семьи.

²⁵ ГААО Ф. 207. Оп. 1. Д. 20. Л. 6. Правила для учеников Архангельского торгово-мореходного училища.

²⁶ ОИММ № 1320/6.

²⁷ Там же.

²⁸ ОИММ № 1320/7.

²⁹ ОИММ № 1320/10.

У Городской думы на Ломоносовской площади приват-доцент политссылный М. Ю. Гольдштейн произнёс речь.

Реакция была немедленной. 19 октября в присутствии официальных лиц в Троицком соборе состоялся благодарственный молебен во здравие Императора и его семьи, после которого участники его с пением «Боже, царя храни» и национальными флагами направились к Городской думе.³⁰ По свидетельству очевидцев, на городском рынке организовалась «патриотическая манифестация». С царскими портретами и национальными флагами она двинулась к Думе, по пути разогнав на Соборной площади группу демонстрантов с красными флагами, которые пытались прекратить работы в порту. В Гагаринском сквере разогнали митинг учащихся, при этом некоторых избили.³¹ По всей вероятности, именно здесь Саша Кучин получил ранение.

Далее они направились в Соломбалу – рабочий район Архангельска. В это время из Соломбалы шла демонстрация, состоявшая в основном из политссылных, учащихся и ремесленников. Разминуться они не могли, так как обе манифестации шли по главному проспекту. Они встретились на пересечении Троицкого проспекта и улицы Пермской (ныне ул. Суворова). Попытки переговоров не увенчались успехом. Раздался провокационный выстрел, и началась драка. Жестоко избили 19 человек. Приват-доцент М. Ю. Гольдштейн и учительница А. А. Покотило в тот же день умерли. Через год состоялся суд. Кто избил А. А. Покотило, следствием выявлено не было, а убившие М. Ю. Гольдштейна были оправданы.³²

19 октября (31 октября по н. с.) стало для Архангельска собственным «Кровавым воскресеньем», точнее – «Кровавой средой».

Драматические события происходили и в стенах Архангельского торгово-мореходного училища. Учащиеся, юноши 14–23 лет, посещали собрания, где читали и обсуждали нелегальную литературу, некоторые из них были членами нелегальной организации «Северный союз учащихся средних школ», возникшей ещё в 1903 году и бывшей под влиянием большевиков.³³

23 октября началась общая забастовка учащихся Архангельска. В ней приняли участие ученики торгово-мореходного училища, мужской гимназии, технического училища, городского училища. Забастовщики действовали слаженно, была разработана петиция, состоявшая из двух разделов – «общие пункты» для всех учебных заведений и «частные пункты», касающиеся отдельных учебных заведений. Она была принята на ученической сходке 23 октября, а 24 октября подана начальнику училища.

«В Педагогический комитет Архангельского Торгово-Мореходного училища.

Мы, ученики Архангельского торгово-мореходного училища, собравшись на сходке 23 октября, единогласно постановили, что до введения реформ в учебных заведениях успокоение среди учащихся может наступить лишь при удовлетворении следующих пунктов.

Общие пункты

1. Предоставления учащимся Архангельской духовной семинарии, исключенным во время весенних волнений 1905 года, права держать переводные и выпускные экзамены.

³⁰ Архангельские губернские ведомости. 22.10.1905.

³¹ 1905 г. Революционное движение в Архангельской губернии. Очерки и воспоминания. Архангельск. 1925. С. 19.

³² 1905 г. Революционное движение в Архангельской губернии. Очерки и воспоминания. Архангельск. 1925. С. 20.

³³ Наш край в истории СССР. Сев. – Зап. кн. изд-во. Архангельск. 1974. С. 91.

2. Представительство родителей учащихся в Педагогических советах учебных заведений в количестве, равном составу педагогического персонала с решающим правом голоса.

Примечание. В тех учебных заведениях, где представительство родителей невозможно, предоставить это право самим учащимся.

3. Отмена надзора за учащимися со стороны лиц педагогического персонала во внеклассное время.

4. Введение товарищеского суда чести, устав которой должен быть выработан комиссией из равного числа представителей от педагогического персонала и учащихся трёх старших классов.

Примечание. Высказано настойчивое пожелание, чтобы учащимся было предоставлено право свободного выбора председателя.

5. Разрешение автономных кружков самообразования и организации, объединяющей деятельность отдельных кружков с предоставлением права издавать журналы, устраивать вечеринки и т. п.

6. Отмена балльной системы с сохранением годовой оценки, которая должна производиться двумя баллами – «удовлетворительно» и «неудовлетворительно».

7а. Предоставление права пополнения ученической библиотеки и учебных пособий путём ежегодных ассигнованных из специальных средств учебных заведений, а выработку мер к улучшению предоставить Педагогическим советам и представителям из учащихся старших классов с правом совещательного голоса.

7б. Уравнение прав по подбору книг для ученических библиотек с таковыми же публичными библиотеками.

8. Необязательное ношение формы.

9. Отмена наказаний, вредно отражающихся на здоровье учащихся.

10. Ненаказуемость участвовавших в манифестациях последних дней и в подаче настоящей петиции.

Частные пункты

1. Расширение программы общеобразовательных предметов Архангельского торгово-мореходного училища и уравнение его в правах с Одесским училищем торгового мореплавания.

2. Удаление от педагогической деятельности в нашем училище гг. преподавателей В. В. Заборщикова и Е. И. Мюлленберга и серьёзное отношение к преподаванию г. В. П. Витта.

3. Улучшение практических занятий по специальным предметам и введение такелажных работ в общих классах.

4. Предоставление ученикам свободного выбора квартир.

5. Введение гимнастики.

6. Мы настаиваем на немедленном проведении в школьную жизнь тех пунктов петиции, которые может разрешить Педагогический комитет, и на немедленном же сношении с надлежащими инстанциями относительно удовлетворения остальных пунктов»³⁴.

³⁴ ГААО Ф. 207. Оп. 1. Д. 211. Л. 89–90.

Занятия по астрономии в Архангельском торгово-мореходном училище. Фото нач. XX в. (Из фондов МАМИ)

Кабинет физики в Архангельском торгово-мореходном училище. Фото нач. XX в. (Из фондов МАМИ)

Билет об увольнении А. Кучина из Архангельского торгово-мореходного училища. 1905 г. (Из фондов АКМ)

А. Кучин с сокурсниками. 1909 г. (Из фондов АОКМ)

Начальник училища петицию принял, тем более что накануне состоялось совещание руководителей учебных заведений, которое решило принимать петиции от учащихся и отменить занятия до 27 октября. Петиция рассматривалась на заседании Педагогического комитета 25 октября.

Перед педагогами встала трудная задача. С одной стороны, многие из них были настроены либерально и были «за свободы», но, с другой стороны, они понимали, что её одобрение может привести к развалу учебного процесса. Педагогический комитет принял компромиссное решение. Он согласился с пунктами 4, 5, 7, 10 общих пунктов и пунктами 3 и 5 частных пунктов. Пункты 3 и 8 общего, а также пункт 4 частного раздела решено обсудить вместе с родителями. По пункту 1 договорились сообщить просьбу в Правление духовной семинарии, по пункту 2 признано желательным присутствие родителей на заседаниях Педагогического комитета, по пункту 9 указано, что применяется единственное наказание – приглашение неуспевающих учеников в праздники для выполнения учебных заданий. Комитет признал себя некомпетентным принять решение по пункту 2 частного раздела и адресовал его Попечительскому совету.³⁵ Попечительский совет на своём заседании категорически отказал удовлетворить это требование.³⁶

После этого В. В. Заборщиков, преподававший физическую географию и корабельную архитектуру в специальных мореходных классах, уволился. Е. И. Мюлленберга, преподавателя немецкого языка, просили работать до окончания учебного года.

27 октября начальник училища сообщил учащимся решение Педагогического комитета. На занятия пришли ученики общих классов. Старшие ребята отправились в мужскую гимназию, где сорвали занятия.

30 октября состоялось совместное заседание Педагогического комитета и родителей. Родителям предложили призвать своих детей к порядку и вернуть их к занятиям, либо, как было предложено Попечительским советом, с 26 октября училище будет закрыто на неопределенное время.

31-го занятия возобновились, но в конце ноября – новая волна недовольства и беспорядков. 22 ноября к начальнику училища пришли делегаты и потребовали разрешить сходку в общежитии училища. М. М. Беспятов сходку разрешил, но потребовал, чтобы она была после пятого урока и без посторонних лиц. Однако на сходку явились учащиеся технического училища, гимназии, семинарии, городского училища. Начальник направил инспектора, чтобы тот напомнил ученикам их обещание, тогда посторонние удалились. После сходки депутация вновь появилась в кабинете начальника и сообщила, что большинством голосов было принято решение бастовать с 23 ноября. «При этом делегаты заявили, что этой забастовкой они вовсе не выражают своего недовольства по отношению к своему училищу, но имеют в виду интересы учеников городского училища, петиция которых не была принята директором народных училищ»³⁷. Предполагалась забастовка во всех учебных заведениях. Однако в мужской гимназии имени М. В. Ломоносова был храмовый праздник – Собор Михаила Архангела и в этот день в гимназии по традиции не было занятий. В техническом училище имени Петра I занятия шли обычным порядком, в городском училище бастовали лишь старшие классы. В торгово-мореходное училище на занятия явилось 30 учеников, оказалось, что некоторых силой заставили подписаться за проведение забастовки, а на следующий день активисты выставили пикеты на дорогах к училищу и не пускали учащихся, силой

³⁵ ГААО Ф. 207. Оп. 1. Д. 211. Л. 94.

³⁶ ГААО Ф. 207. Оп. 1. Д. 211-а. Л. 40.

³⁷ ГААО Ф. 207. Оп. 1. Д. 211. Л. 106.

заставляя вернуться домой. Но не все учащиеся были единодушны. Из протокола Педагогического комитета от 23 ноября: «Далее было выяснено, что на основании беседы с учениками, что эта группа учеников (14 человек, признанных агитаторами – *прим. авт.*) действует на остальных силой и принуждением, ярким доказательством этого случая является полученное по время заседания и прилагаемое при этом письмо учеников Кучина, Волгина, Гусева»³⁸.

Это единственное упоминание фамилии Кучина в сохранившихся документах училища, связанных с этими событиями. Его имя не упоминается ни в архиве полицейского управления, ни в воспоминаниях участников революции 1905 года.³⁹ Впрочем, сокурсник Александра, будущий известный гидрограф Павел Башмаков, говорит о нём как об одном из руководителей забастовщиков.⁴⁰ Не является ли приведённая цитата из протокола Педагогического комитета свидетельством того, что А. Кучин и его друзья выступили против методов, применяемых забастовщиками? Когда основные требования учащихся были удовлетворены, Александр уже не видел смысла поддерживать активистов, сеявших хаос. Выступить против большинства – не это ли проявление характера?

24 ноября забастовка продолжалась, и тогда Педагогический комитет решил:

«Закреть училище на неопределённое время.

Считать всех учеников уволенными.

Возвратить документы учеников их родителям, причём последних известить об этом.

Прекратить выдачу стипендий с 1 января.

Настоящее постановление передать в Попеч. совет и Отд. торг. мореплавания».⁴¹

Был собран Педагогический комитет. Преподаватели, многие из которых были настроены либерально, признали ряд требований вполне обоснованными. Тем не менее, учащимся было объявлено, что училище будет закрыто, если беспорядки не прекратятся. 30 октября состоялось совместное совещание с родителями, которым было предложено воздействовать на своих детей для прекращения забастовок и возвращения к учебным занятиям. На следующий день занятия возобновились, но затишье длилось недолго. 23 ноября началась забастовка в поддержку учеников городского училища, петиция которых не была принята директором народных училищ. Решением Педагогического комитета училище было закрыто на неопределённое время. Родители послали жалобу на имя министра торговли и промышленности, в которой говорилось, что дети выступают под воздействием внешних агитаторов, а «петиции эти составлены в тех выражениях, которые мы не слышали от детей»⁴².

В результате было принято компромиссное решение. Занятия возобновились лишь в феврале в общих классах и специальных классах торгового отделения. Специальные классы мореходного отделения были закрыты до начала следующего учебного года, а ученики официально уволены из училища, через полицейские управления родителям выслали все документы. Принимать их обратно в училище или нет, решал Педагогический комитет. Так как нормальных занятий из-за забастовок не было, то ученики должны были повторить тот курс, с которого были уволены.

Общежитие, которое стало местом собраний и куда приходили не только учащиеся, но и посторонние, было признано «рассадником заразы» и упразднено вовсе.

³⁸ ГААО Ф. 207. Оп. 1. Д. 211. Л. 110 об.

³⁹ Шпаро Д. И., Шумилов В. А. Указ. соч. С. 19.

⁴⁰ Башмаков П. Капитан экспедиционного судна «Геркулес» А. С. Кучин // Советская Арктика. 1939. № 7. С. 89.

⁴¹ ГААО Ф. 207. Оп. 1. Д. 211. Л. 16.

⁴² ГААО Ф. 207. Оп. 1. Д. 225. Л. 15.

Какова же роль Александра Кучина, ученика 1-го специального класса мореходного отделения. Вот как эти события он описывает в письме своим друзьям 26 июня 1906 года:

«Дорогие Бартольд, Отто и Аксель!

Уф-ф-ф! Тяжело писать, когда человек осознаёт свою вину. Да, это я виноват, что не узнал о том, как вы живёте там, на горе, о том, как дела в школе, и о Тромсё, где я провёл счастливое время. Да, это были счастливые дни, я был всего лишь ребёнком и не знал, что жизнь так трудна. Сейчас, в этот год, я это понял. Слёзы стоят у меня в глазах, когда я вспоминаю зиму, проведённую на Родине. Кровь и пожарища повсюду. Пустые дома, полицейские и солдаты с оружием повсюду.

Мы не могли это терпеть. Мы просили учителей и директора освободить нас от уроков, чтобы быть вместе с политическими партиями и бороться за свободу народа. Я говорю «мы» – это были учащиеся средних школ, гимназий, технических училищ, учительской школы и навигационного училища.

Однажды мы шли со своим красным флагом и встретили толпу, в которой были полицейские и много пьяных, которые были наняты губернатором. Они начали бить младших ребят, которые были с нами. Началась драка. Меня ранили в ногу. В ноябре стало спокойнее, и мы пошли в училище. Но в декабре нам пришлось закончить с учёбой, потому что директор хотел выгнать ученика второго класса (вероятно, Соломона Туфиаса, ученика второго класса торгового отделения, который агитировал не только в училище, но и на лесозаводах в Маймаксе – прим. авт.). Я поехал домой в Онегу. У меня было много работы. В деревнях я говорил с народом о времени, в котором мы живём, о других странах и что мы должны сделать, чтобы возвысить нашу страну. Но пришла весна. Я не захотел плыть с моим отцом, потому что не хочу быть пассажиром на борту. Но я должен заработать деньги на учёбу. И поэтому я приехал сюда покупать рыбу. Приехал сюда перед Пасхой. Я много раз пытался писать вам, но не послал ни одного письма, я думал, что сам приеду в Тромсё. Мой отец был здесь несколько дней назад, он плывёт в Тромсё. Вы должны навестить его. Пишите поскорее. Мой адрес: Hr. A. Kutschin, Kristensens hotel Vardø.

Заканчиваю приветами всем вам, вашим маме и папе, Элизабет, Освальду»⁴³.

Под крыльцом дома Кучиных в Онеге было найдено красное знамя, на котором белой тесьмой вышито «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». ⁴⁴ По всей вероятности, это знамя – свидетель событий октябрьско-ноябрьских волнений, происходивших в училище в тот год. Агитация в онежских деревнях, письмо в Норвегию, последующие события, вероятно, могут быть доказательствами того, что Александр не был пассивным свидетелем событий, происходивших в стране.

Итак, весной он едет в Норвегию в Вардё, небольшой городок на севере Норвегии в провинции Финнмарк «покупать рыбу», а оказывается в большевистском издательстве «Помор», которое специализируется на выпуске революционной литературы, нелегально ввозимой в Россию.

Известно, какое внимание В. И. Ленин и Центральный комитет РСДРП(б) уделяли распространению своих взглядов через печатные издания: газеты, брошюры, листовки, прокламации. Издательства и пути перевозки были строго законспирированы. Вряд ли попасть на работу туда можно было «с улицы». Безусловно, получить рекомендацию, а может быть, «направление» или «партийное задание» можно было только в Архангельском комитете РСДРП(б) или от доверенных людей. Значит, в соответствующих кругах Александра знали и ему доверяли.

⁴³ ОИММ № 1320/11.

⁴⁴ АОКМ КП № 239.

Издательство «Помор» появилось в 1906 году. Его организатором стал Николай Алексеевич Шевелкин, один из «твердокаменных большевиков», как называл своих соратников В. И. Ленин.

Н. А. Шевелкин примкнул к революционному движению ещё будучи студентом Рижского политехнического института. В 1904 году сослан в Архангельск. Когда началась революция, совершил побег. Архангельский комитет Российской социал-демократической рабочей партии выдал ему мандат для участия в III съезде РСДРП в Лондоне. На этом съезде 14 (27) апреля 1905 года архангельская организация была официально признана и вошла в состав партии. В. И. Ленин, Н. К. Крупская и Л. Б. Красин дали ему задание наладить транспортную перевозку нелегальной литературы «северным путём» через Норвегию.

Он выполнил задание партии. Этот путь оказался и самым дешёвым, благодаря поддержке моряков, перевозивших её на судах Архангельско-Мурманского срочного морского пароходства и поморских шхунах в бочках с рыбой с двойным дном. Северная Норвегия стала не только перевалочной базой, но и местом, где печаталась нелегальная литература. Был куплен русский шрифт, помещение и технику предоставила типография «Финнмаркен» (здание типографии было разрушено во время Второй мировой войны). В 1907 году здесь начала выходить газета «Мурман». Всего вышло около 400 наименований изданий.

Смелый до дерзости, прекрасный оратор и организатор, увлечённый своим делом, Николай Алексеевич, несомненно, сыграл большую роль в формировании личности Александра Кучина. Возможно, именно Н. А. Шевелкин просил своих архангельских друзей-партийцев прислать надежных помощников для работы в издательстве. Так А. Кучин оказался в Вардё.

Большую помощь в организации издательства оказывал почтмейстер Вардё социалист Адам Эгед-Ниссен. Личность не менее примечательная. Он вырос в радикальной семье сторонников трезвости и социальной справедливости, в 1897 году стал почтмейстером – самым молодым в мире. Хорошо знал русский язык, который изучал в Архангельске и С.-Петербурге. Свои первые контакты с русскими революционерами он завязал ещё в 1901 году на Международном рабочем конгрессе в Копенгагене. В том же году был избран в стортинг – норвежский парламент с программой, разработанной «Левым объединением Вардё и рабочими и рыбаками городов Финнмарка». Он представлял Финнмарк в парламенте 14 лет. Был мэром Ставангера и депутатом стортинга теперь уже от губернии Рогаланд. После революции неоднократно бывал в Москве, встречался с В. И. Лениным и А. Коллонтай. Стал одним из членов Норвежской коммунистической партии, её председателем в 1943–1946 годы, в не самые простые времена, когда Норвегия была союзницей фашистской Германии.⁴⁵

Когда в Вардё появился Фишер, «профессор», под этими псевдонимами был известен Н. А. Шевелкин, А. Эгед-Ниссен с энтузиазмом включился в работу. В декабре 1906 года в норвежском социал-демократическом журнале «Двадцатое столетие» он опубликовал статью «Мои русские товарищи» с фотографией. В России революция продолжалась, «русские товарищи» были на нелегальном положении, поэтому автор так их «зашифровал», что в дальнейшем пришлось приложить немало усилий, чтобы разобрать «кто есть кто». А. Эгед-Ниссен пишет, что на стуле сидит он, молодой парень справа – юнга, попавший в Вардё после волнений в навигационной школе, в середине – Грачев, студент, имевший шрамы на лице от казацкой шашки и на руке от лошадиной подковы, полученные во время событий на Дворцовой площади 9 января 1905 года, третий – революционер по прозвищу Фишер.⁴⁶ Юнга хорошо узнаваем, это Александр Кучин. Простоватое лицо молодого человека слева как-то мало согласуется с псевдонимом «профессор», который носил Фишер-Шевелкин.

⁴⁵ Робертсон Тур. Рассказы из Вардё. Архангельск, 2011. С. 114–116.

⁴⁶ Дашков Ю. Ф. По Ленинским местам Скандинавии. «Советская Россия», М., 1971. С. 32–33.

Идентифицировать этого человека удалось архангельскому журналисту А. Г. Веселову – это Петр Гусев.

Петр Фёдорович Гусев, уроженец села Ворзогоры Онежского уезда, работал на лесопильных заводах, вёл революционную пропаганду. По возвращении из Норвегии в 1907 году был арестован с грузом нелегальной литературы, сидел в тюрьме. После продолжил агитационную работу в Онеге, создал там социал-демократический кружок. В 1912 году вновь арестован за агитацию на лесозаводах в Маймаксе. После февральской революции бы членом Городской думы в Онеге, в 1920–1921 годах служил в Красной армии. Вернувшись в Онегу, занимался профсоюзной работой, был председателем Комитета помощи голодающим. В 1940 году был репрессирован. Ему припомнили, что он выступал против национализации земли и заводов, за учредительное собрание, против заключения Брестского мира, сотрудничал с белогвардейцами. Был осуждён на 4 года и вышел в 1944-м. Реабилитирован в 1965 году, благодаря ходатайству редакции архангельской областной газеты «Правда Севера».

Человек в центре во всех российских изданиях атрибутирован как Н. А. Шевелкин. Все же было сомнение: а вдруг это не он, а В. Ф. Грачев, студент со шрамами. Пришлось сделать криминалистическую экспертизу, сравнить эту фотографию с известными изображениями Николая Алексеевича. Лица анализировались по нескольким параметрам. Ответ: общее сходство 85–90 %.

Итак, команда издательства «Помор» была невелика. Известно несколько имен: Н. А. Шевелкин, В. Ф. Грачёв (возможно, псевдоним), А. Кучин, П. Гусев и Лисичкин. Работали дружно, тысячными тиражами выпускали агитационную литературу. В уже упоминавшейся статье А. Эггеде-Ниссен писал: «Если русскому социал-демократу дать задание выпустить революционные листовки, он выполнит задание, даже если до этого никогда не стоял у наборной кассы», и далее: «Счастлива Россия, которая имеет таких сыновей и дочерей, которые не сгибаются при любой погоде».⁴⁷

В то лето Кучину так и не удалось съездить в Тромсё к друзьям. Сохранилось ещё одно письмо из Вардё от 4 июля 1906 года. Он извиняется, что не сразу ответил на письмо, полученное им несколько дней назад, – «был очень занят», и далее: *«Я получаю здесь русские газеты. Пишут, что была большая забастовка в некоторых частях. Солдаты сказали, что они пообещали друг другу не стрелять в крестьян и рабочих и что они служат не царю, а народу. Отто́ (брат Хагеманна – прим. авт.) пишет, что в России наступит день. Но – ах, ночь слишком темна, мы можем потерять терпение, прежде чем взойдёт солнце. Наше солнце – это свобода и счастье народа. В прошлом году мы увидели только сверкающий край солнца, но теперь оно заперто в глубокий ящик за блестящими мундирами министров и политиков»*.⁴⁸

Сохранилось ещё одно любопытное послание того лета – открытка с почтовым штемпелем «Онега 13.8.06» на этакой англо-русской смеси: «My dear nephew! This morning I have the interesting post card, for that I thank you. Now in Russia опять наступил прежний режим. Предполагалась общая strike, но не состоялась, о чём I am very sorry». Места на открытке, предназначенного для письма, не хватило, и корреспондент продолжает писать на лицевой стороне. К сожалению, часть текста утрачена, но по смыслу можно догадаться, что автор спрашивает, когда Кучин будет в Онеге, и надеется получить от него письмо из Архангельска. Подпись «your uncle N. Negoda...» (последние буквы не читаются – прим. авт.).⁴⁹ Милое

⁴⁷ Дашков Ю. Ф. По Ленинским местам Скандинавии. «Советская Россия», М., 1971. С. 32–33.

⁴⁸ ОИММ № 1320/12.

⁴⁹ АОКМ кп № 42815. Текст: «Мой дорогой племянник! Этим утром я получил интересную открытку, за которую благодарю. Сейчас в России опять наступил прежний режим. Предполагалась общая забастовка, но не состоялась, о чём я очень сожалею. Твой дядя».

послание, особенно если учесть, что адресовано оно Александру Кучину через «Russian Imperial Consultate Vardö» – русское консульство в Вардё.

Что за дядя? Откуда дядя? По родословию не было у Александра родственников с похожей фамилией. Оказалось, что эту открытку послал его онежский друг Николай Гаврилович Негодяев. Он родился 26 января 1885 года, то есть был старше Александра на целых 3,5 года, и, вероятно, это позволяло ему называть себя шутливо «дядюшкой». Дед, отец и братья отца Николая работали конторщиками на лесозаводе в Поньге около Онеги. Конторщиками называли управленческий, инженерно-технический персонал и бухгалтерию, то есть «белых воротничков». Сам Николай в эти годы зимой учился в Англии, отсюда его свободное владение языком, а летом тоже работал на заводе. На фотографии, сделанной в Онеге в 1912 году, где Александр со своими друзьями, Николай стоит справа в верхнем ряду.

В сентябре ночью в издательство пришли норвежские полицейские, начался обыск. В издательстве ночевали В. Ф. Грачёв и А. Кучин. Одному из них удалось выскользнуть, он побежал к А. Эгед-Ниссену, но его не было дома. Его жена, взяв ребёнка, под проливным дождём направилась в лавку, где рыбаки ждали погоды, чтобы отправиться на промысел. Вместе с ней рыбаки пошли в типографию и вынудили полицию прекратить обыск. Но через несколько дней, выгадав время, когда А. Эгед-Ниссен, пользовавшийся большим влиянием в Северной Норвегии как депутат стортинга, отсутствовал, полиция вновь нагрянула, конфисковала всю литературу и рассыпала набор.

Ситуация была сложная. Н. А. Шевелкину и его товарищам грозили арест, высылка из страны, скорее всего – в Россию, а там суд, тюрьма, ссылка.

В газете «Финнмаркен» появилась статья «Будут ли норвежские власти служить помощниками русского царя? Российская социал-демократическая литература конфискована в Vardo». В статье говорилось о том, что министр юстиции Норвегии считает, что издание подобной литературы «ставит Норвегию в опасное положение по отношению к России и идёт в разрез с параграфами норвежского закона, запрещающего распространение того, что возбуждает на восстание против правительства этой или другой страны». Далее: «Русская социал-демократия послала людей для печатания литературы, которая запрещена в царстве беззакония. Эти люди так любят свободу свою и своего народа, что покидают родину и дом, чтобы в стране более свободной сделать то, что запрещено на родине. Они работали день и ночь, пока наконец было напечатано порядочное количество литературы, которая была бы распространена среди тёмного ещё крестьянства. Но вот является норвежская полиция и забирает эти результаты их труда, который, как они ожидали, должен был бы пойти на пользу родного народа, и забрала только потому, что в брошюре была фраза «долой самодержавие»... Мы думаем, что мнение, заключённое в этих словах, отзовётся в груди каждого, кто мыслит, в груди каждого на земле... Мы даже не считали возможным, что власти конфискуют эти брошюры и помешают им попасть туда, куда они назначены: несчастному русскому народу, который под бичём палачей борется за свою свободу, чтобы свергнуть ненавистную власть реакции... Мы думаем, что все цивилизованные страны должны помогать русскому народу сломить власть царя... Мы призываем союзы рыбаков и рабочих в Vardo немедленно созвать массовый митинг для протеста против конфискации и отмены параграфа в данном случае и для выработки резолюции протеста для представления его в Норвежское правительство».⁵⁰

Дело получило широкую огласку, прошли митинги протеста в Киркинесе, Вардё, Тромсё, Осло и других городах. «Дело Вардё» было вынесено на рассмотрение суда. Суд не нашёл оснований для запрета издания такой литературы. Издательство продолжило работу.

⁵⁰ ГААО. Ф. 207, оп. 1, д.

В это время Александр был уже далеко. В училище начались занятия. Чем он занимался в Норвегии, не знали даже его однокурсники. П. И. Башмаков много лет спустя пишет, что в том году А. Кучин был на зверобойном промысле и помогал через знакомых моряков перевозить нелегальную литературу в Россию.⁵¹

Можно только представить реакцию дирекции и преподавателей, когда в училище пришло письмо с протоколом таможни о том, что у лучшего ученика училища Александра Кучина, возвращавшегося из города Вардё на пароходе Мурманского общества «Николай», были конфискованы патроны и переписка. Действительно, при возвращении из Норвегии Александр был подвергнут тщательному таможенному досмотру, и, вероятно, не случайно. В соответствующих органах его деятельность в революционном издательстве была известна. При нём были обнаружены коробка с патронами к револьверу системы «браунинг», две рукописные статьи революционного содержания, «Выборгское воззвание», фотография матроса Александра Вешнякова, месяц назад пытавшегося провести на пароходе «Ломоносов» нелегальную литературу из Норвегии, а также записка от товарища, в которой говорится о том, что его преследует полиция, он бросает учёбу и едет агитировать в Кестеньгу Кемского уезда. При нём был и транспорт с нелегальной литературой. По семейным преданиям, он успел выбросить её в наволочке в иллюминатор. Н. И. Шевелкин на склоне своих дней говорил А. Г. Веселову, что Саша все же провёз литературу и в этом ему помогли друзья-моряки.⁵²

2 октября состоялось заседание Педагогического комитета. Начальник училища сообщил, что в беседе с ним А. Кучин сказал, что в марте он уехал в Александровск, надеясь получить место на судне научно-промысловой экспедиции, но оно уже ушло в плавание, уведомление о том, что ему оставлена вакансия на одном из пароходов Мурманского общества, он не получал, поэтому уехал с отцом в Вардё, где всё лето находился на покупке рыбы. Патроны ему дала какая-то женщина, чтобы он сделал цепочку для часов, одна рукописная статья – это его перевод статьи «Будут ли норвежские власти служить помощниками русского царя?», опубликованной в газете «Финнмарк», другую – «Армия и революция в России и возможность войны России с Норвегией» – его просили передать в газету «Северный листок», издававшуюся в Архангельске и известную своими либеральными взглядами.

Перед Педагогическим комитетом стояла непростая задача. С одной стороны – ещё были памятливы волнения осени 1905 года, с другой стороны – перед ними судьба лучшего ученика, надежды училища. Все понимали, что в случае увольнения «по революционной статье» ему будут закрыты двери во все учебные заведения России. Списки таких учеников с завидной регулярностью рассылались по всей России.

Перед нами протокол того заседания.

«После доклада Начальника Училища Комитет приступил к обсуждению того, как отнестись к поступку Кучина, изложенному в протоколе Таможни. При обсуждении этого вопроса некоторые из преподавателей высказали мнение об исключении Кучина из Училища, а некоторые были против этого, на том основании, что переписка, отобранная у Кучина, представляет рукопись, кроме выборгского воззвания, и находится только в одном экземпляре; что касается найденных патронов, то они без револьвера не представляют собой предмета вооружения; кроме того, поступок Кучина мог бы быть наказуем в том случае, если бы он был совершён в стенах училища.

⁵¹ Башмаков П. И. Указ. соч. С. 89.

⁵² Веселов А. Г. Под Полярной звездой. Архангельск. 1975. С. 81.

Ввиду разногласия Начальником Училища был поставлен этот вопрос на голосование, причём большинством голосов (8 против 6) было постановлено: Кучина из Училища не увольнять. После этого был предложен вопрос, подлежит ли Кучин какому-либо наказанию.

Обсуждая этот вопрос, Комитет нашёл, что Кучин подлежит наказанию на следующем основании:

- как ученик мореходного отделения он должен был в течение вакации плавать и, во всяком случае, оставаясь всё время в Вардё, сообщить об этом Начальнику Училища;

- после конфискации вещей он должен был сообщить об этом немедленно Начальнику Училища;

- отправляясь в Вардё, он был обязан испросить себе отпускной билет.

На основании этого Комитет постановил:

- лишить Кучина стипендии (60 руб. в год);

- не освобождать его от платы за учение».⁵³

Итак, Александр остался в училище, но без стипендии и с оплатой за обучение. Лишение стипендии было тяжёлым ударом. Он пишет прошение в Педагогический комитет: «Покорнейше прошу Совет не лишать меня последнего средства для продолжения учения – стипендии. Стипендия для меня не является наградой, а необходимостью: я живу только на 10 руб. в месяц и в настоящий момент я должен был занять эти 10 руб., т. к. стипендия не давалась. Отец же писал мне, что помочь совершенно не может. В крайнем случае, прошу освободить от платы за учение. А. Кучин»⁵⁴. Его моральное состояние было тяжёлым. Это сказалось и на успеваемости. За первое полугодие по ведомости большая часть оценок – 4. Он думает бросить училище, карьера моряка ему неинтересна.

В фондах Музея Арктики и Антарктики сохранилось письмо без даты. Оно столь информативно, что процитируем его полностью.

«Partefalle! Я не мог раньше написать ничего: был здорово занят. Лишь теперь есть некоторые фразы, но их мало, а дополнить-то некогда. Владимир обещал прислать Филиппова, но до сих пор ничего не прислал. Наверное, слышали, как я был схвачен здесь и представлен перед своё начальство. Меня уже наказали: лишили стипендии в размере 60 р. Ну и черт с ними. Теперь состою в ученической организации. В Питерской группе все провалы. Пропало всё, что было привезено из Varde. Вчера было собрание членов Архангельской организации по поводу выборов. Отклонены блоки с к.-д. (партией конституционных демократов – прим. авт.). Затишье. Был период рефератов и дискуссий, но с отъездом двух с.-д. (социал-демократов – прим. авт.) все затихло. В Шенкурск будет карательная экспедиция с другом Мейгарта во главе. Н. А. в Питере. В общем писать ничего не имею. Жаль, что не мог написать. Штука в том, что учусь зараз за мореходку и за гимназию. С отцом перепалка. Денег нет. Одно время даже собирался уйти из училища. Кланяйтесь всей Wessel. Письмо-адрес в Совет Раб. Д., если успею, отправлю в Социал-демократа. Здесь выходят ученические журналы той и другой партии. Скоро Рождество. Я еду в Онегу. Кланяюсь Петерсону, Fzone, Gunderzsen и другим. Alexander»⁵⁵.

«Partefalle» – «товарищ по партии» на норвежском языке. Адресовано оно, вероятно, кому-то из издательства «Помор». Это не Н. А. Шевелкин, поскольку сказано, что Н. А. в Питере. Это не В. Ф. Грачёв, далее говорится, что Владимир обещал чего-то прислать. Это не П. Ф. Гусев, который уже в тюрьме. Возможно, это Лисичкин или кто-либо ещё, кто

⁵³ ГААО. Ф. 207, оп. 1, д. 256. Л. 54–55.

⁵⁴ ГААО. Ф. 207, оп. 1, д. 254. Л. 93.

⁵⁵ МАА № 0 595.

просит прислать статью, заметку, информацию для издания, но Кучин написать не может, т. к. «здорово занят», «есть некоторые фразы», «писать ничего не имею». Правда, он обещает послать «письмо-адрес в Совет рабочих депутатов» в норвежский журнал «Социал-демократ». Известно, что Советы, как форма объединения рабочих и управления стачечным движением, родились именно в годы Первой русской революции. Это явление было новым в рабочем движении, и русские революционеры знакомят с ними норвежских социалистов. Значит, Александр был не только техническим работником, но и писал заметки в русские и норвежские издания.

В ноябре 1906 года в Архангельск приезжали «два с.-д.» – два социал-демократа – Н. А. Шевелкин и А. Эгед-Ниссен. Этот приезд, как и сообщение о том, что Кучина лишили стипендии, позволяет датировать письмо декабрём 1906 года.

Александр сообщает ещё об одном событии – карательной экспедиции в Шенкурском уезде Архангельской губернии, где в 1905–1906 годах были волнения удельных крестьян, жестоко подавленные. В конце письма Александр передает привет «всей Wessel». Муж и жена Андреас и Элизиф Вессель, горячо сочувствуя событиям в России, создали на Севере Норвегии в городе Киркинесе своеобразную колонию, некий перевалочный пункт для революционеров из России, нелегально выехавших из страны. Здесь построили домики, людей кормили, снабжали деньгами, давали отдохнуть, а далее отправляли либо обратно в Россию, либо в Европу. Попасть же из России в Киркинес было довольно просто. Из Архангельска в Норвегию регулярно ходили пароходы Архангельско-Мурманского срочного пароходства. Таможни были в Архангельске и Александровске-на-Мурмане. Можно было свободно купить билет до какого-нибудь становища западнее Александровска и не проходить таможенный контроль – территория-то российского государства, а там, где таможенных постов не было, купить на самом пароходе билет в один из городов Норвегии. Путь вполне безопасный (это не с контрабандистами по суше через границу переходить) и использовался довольно часто. Привет «всей Wessel» – по-видимому, привет всем политэмигрантам этой колонии.

Александр пишет, что состоит в ученической организации. Это свидетельствует о том, что в это время он был серьёзно увлечён революционной деятельностью. Это, по-видимому, стало причиной размолвки с отцом, которую они оба тяжело переживали.

Саша пишет о том, что он изучает курс гимназии. Он хочет учиться в университете, но для этого нужно иметь аттестат зрелости из гимназии. В ноябре 1907 года вышел циркуляр Управляющего С.-Петербургским учебным округом, разрешавший лицам, окончившим средние учебные заведения, сдавать экзамены за гимназический курс, чтобы получить право поступления в университет. Проведение таких испытаний возлагалось на педагогический коллектив местной мужской гимназии.

В эту зиму 1906/1907 Саша, наверное, особо остро понял, что значит жить без средств к существованию, и он опять поступает «не по правилам». В марте Александр уезжает в Норвегию и уходит на норвежском судне на зверобойный промысел.

Организация зверобойного промысла в Норвегии значительно отличалась от поморского. Лучшим путеводителем нам будет книга Фритьофа Нансена «Среди тюленей и белых медведей»⁵⁶. Ф. Нансен ходил на зверобойный промысел в 1882 году, ещё будучи студентом. Книгу написал по своим юношеским дневникам в 60 лет, добавив научные наблюдения более позднего времени, но, судя по тому, что никаких поправок и замечаний о технологии промысла он не внёс, то она, по-видимому, за те сорок лет мало изменилась, разве что суда стали более совершенными.

⁵⁶ Нансен Ф. Собрание сочинений. Т. 5. Изд-во «Севморпути». Л., 1939.

Сотрудники издательства «Помор». Сидит А. Эгед-Ниссен, стоят слева направо: П. Ф. Гусев, Н. А. Шевелкин, А. С. Кучин. Вардё, 1906 г. (Из фондов МАМИ)

Знамя «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», найденное под крыльцом дома Кучиных в г. Онеге. 1905 г. (?) (Из фондов АОКМ)

Билет члена-корреспондента Архангельского общества изучения Русского Севера А. С. Кучина. 1909 г. (Из фондов МАА)

Семья Кучиных. Онега. 1908 г. (Из фондов ОИММ)

Зверобойный промысел на гренландского тюленя проходил у острова Ян-Майен, расположенного в Северном Ледовитом океане между архипелагом Шпицберген и островом Исландия. Здесь на молодом льду щенились утельги – тюлени самки, здесь же были и лёжки бельков – тюленят в возрасте 14–18 дней. При рождении у тюленей мех белый и длинный – 3–4 см. Вскармливаемый матерью, он имеет толстый слой подкожного жира, а так как сам в воду не идёт, поэтому и становится лёгкой добычей для ловцов, которые бьют их баграми по голове. Следует сказать, что русские поморы белька не били, желанной добычей для них были утельги. Европейцы же забивали малышей в большом количестве: это была и лёгкая добыча, и белая шкурка ценилась выше. Через три недели бельки начинают линять, и через месяц у них вырастает серебристо-серый мех в тёмную крапинку, поморы называли их «серками». С каждой линькой крапинки становятся всё больше, и в конце концов остаются только пятно на голове и два больших на спине.

В соответствии с международным соглашением 1876 года побойка – охота на тюленя в районе Ян-Майена, где лежбища тюленей насчитывали сотни тысяч голов, для того чтобы не распугать тюленей, дать им время спокойно оценьться, запрещалась до 24 часов 3 апреля. Естественно, это делалось не для того чтобы защитить популяцию от истребления. Промысловики Норвегии, Англии, Германии и других стран получали равные возможности в добыче непуганного зверя.

На промысел выходили в начале марта с тем, чтобы к 4 апреля постараться найти лёжки зверя, подойти к ним как можно ближе. Нансен вышел в море на барке «Викинг» с ледовой обшивкой и вспомогательным двигателем 60 лошадиных сил. На борту было 62 человека, но были и большие суда с командой до 200 человек. На грот мачте устраивалась бочка, из которой вахтенный или сам капитан высматривал лёжки тюленей, состояние льдов, полыньи, а во время побойки подавал сигналы промысловикам. На вооружении каждого были багор особой конструкции с длинным, слегка загнутым острым шипом с одной стороны и молотком с другой стороны, нож для разделки туш, стальное точило и волоковой шкерт. При

обнаружении лёжки на воду спускали лодки, в каждой 5–6 человек: стрелок, рулевой, три-четыре гребца. На «Викинге» было 10 таких лодок. Люди высаживались на льдины, и началась бойня. Бельков били молотком багра, взрослых самцов и самок стреляли. Крики бельков и людей – и кровь, кровь, кровь. Тушами и оглушёнными животными набивали лодки и везли их на судно. Свежевали – сдирали шкуру с жиром, остальное выбрасывалось за борт, где поживу уже ждали чайки и буревестники. Как писал Ф. Нансен: «В общем, этот промысел, конечно, не способствует облагораживанию человеческой породы»⁵⁷. В районе Ян-Майена истреблялось более 20 тысяч голов ежегодно в течение многих лет. Когда белёк начинал линять, охота в этом районе заканчивалась. Суда, не полностью набившие трюмы, отправлялись к южному побережью Гренландии – к Датскому проливу, куда приплывают на линьку десятки тысяч хохлачей. Хохлач, названный так за большой эластичный раздувающийся кожаный пузырь на голове, значительно крупнее гренландского тюленя и достигает в длину 2 ½ метра. Детёныши рождаются не в шерсти, как другие тюлени, а с гладким ворсом. Во время линьки хохлачи менее подвижны и любят греться на солнце, но предпочитают торосистые тяжёлые льды, и к ним трудно пробиться – судно может затереть льдами. Здесь удача зависит от опытности капитана и меткости стрелка. Команда «Викинга», напав на лёжку, работая круглосуточно, добывала здесь более сотни хохлачей за день. Домой они вернулись в конце июля.

Вот на такой промысел попал Саша Кучин в 1907 году. Мы не знаем, на каком судне ходил он в море, какую должность исправлял, чем занимался во время промысла. Но как же он должен был проявить себя, чтобы на следующий год его наняли капитаном! Мы не знаем, большое или маленькое было это судно, старое или новое. Мы знаем, что промысел не место для благотворительности. От его успешности или неуспешности зависит жизнь промысловиков и их семей. Мы знаем, что промысловики – не кисейные барышни, а сильные и грубые люди, и быть капитаном на таком корабле не просто. Остаётся фактом, Александр Кучин был капитаном на зверобойном судне Гамундсена в навигацию 1908 года. Об этом свидетельствует открытка, посланная сестре Фросе: *«Недавно вернулся с моря. На днях был у папы. Скоро, недели через две, выйдем оба на «Николае», а через месяц надеюсь быть дома. Посылаю тебе как старшей мою фотографич. карточку: будут деньги – куплю альбом. Хоть и был два рейса капитаном, да поистратился»*⁵⁸.

Опыт плавания во льдах полярных морей, несомненно, пригодился ему и в экспедиции в Антарктиду, и в его главной экспедиции 1912 года. Опыт зверобойного промысла на норвежском судне – это колоссальный опыт!

В личном деле записан плавательный стаж. 1907 год – 5 мес. 26 дн., 1908 год – 4 мес. 24 дн.⁵⁹

1907 год для Александра Кучина знаменателен ещё одним событием. В издательстве «Помор» вышел его «Малый русско-норвежский словарь» тиражом 2000 экземпляров. Это был один из первых русско-норвежских словарей. Особенно примечательно то, что он вышел через два года после обретения Норвегией независимости. На обложке указано, что в словаре 4000 слов. Справедливости ради скажем, что русских слов в словаре около 3000, но некоторые из них на норвежский переведены двумя терминами. Кроме словаря в издании есть основные сведения о фонетике и грамматике норвежского языка.

Словарь пользовался большой популярностью. В одном из писем Александру отец пишет: *«Я сегодня был в магазине Шмаковской. Они не знают, как достать твой Р. Норв. словарь. Писали зимою, да ничего не вышло. Я распродал твой словарь, все экземпляры,*

⁵⁷ Нансен Ф. Собрание сочинений. Т. 5. Изд-во «Севморпути». Л., 1939. С. 197.

⁵⁸ АОКМ нвф № 19243.

⁵⁹ ГААО Ф. 207. Оп. 1. Д. 185. Л. 9.

даже не оставил у себя. Шмаковская говорит, что они желают выписать дюжины 2 или 3, их спрашивали многие, но их давно нет»⁶⁰.

Этот словарь и в настоящее время представляет интерес как памятник норвежского языка. На рубеже веков в юной независимой Норвегии велись жаркие споры о путях развития языка. Дело в том, что в течение почти четырёхсот лет Норвегия входила в состав Дании и вся официальная документация, судопроизводство, даже Библия были на датском. Это был язык письменный, его изучали в университете и преподавали в школах. Сторонники «рикс-мола» – государственного языка – считали, что единый норвежский язык должен быть основан на этой традиции. «Датский язык родственен норвежскому, но это язык другого народа», другие говорили: «Норвежский язык богат своими диалектами». Диалектов из-за труднодоступности и малочисленности населения было множество. Сторонники «ландмола» пытались создать на их основе единый язык.

Александр не был лингвистом и был далёк от этих диспутов. В своём словаре он зафиксировал тот язык, на котором говорили на Севере Норвегии, в Финнмарке и Тромсё, говорили простые люди, рыбаки и промысловики. Он зафиксировал демократический слой языка, и этим этот маленький словарь и интересен.

В сохранившихся письмах братьям Хагеманнам он ничего не пишет ни о своих плаваниях, ни о словаре.

*«Дорогие Бартольд, Отто и Аксель! Я приехал сюда, но не помню, какого числа. Но на следующий день после приезда должен был держать экзамен по тригонометрии и электричеству. Всё прошло хорошо, и теперь я считаю учеником предпоследнего класса. Наш лучший учитель должен уйти из училища и уехать на юг России. Поэтому мои надежды выдержать экзамен на студента почти пропали. Свою работу в нелегальных организациях я должен прекратить, потому что я не поддерживаю тактику социал-демократов в отношении нашего «парламента». Революция в плохом состоянии. Надеюсь, что осенью рабочие с помощью крестьян осуществят «всеобщую забастовку». Но надежда была напрасной, потому что крестьяне собрали такой маленький урожай, что им не прокормить массу безработных и бастующих. Сегодня юбилей – 2 года нашей борьбы на улицах. Поэтому мы не ходили в училище. Директор нас накажет. Как живёте вы? Думаю, у вас весело – лыжи, коньки и т. д. Привет от меня Элизабет и вашей маме».*⁶¹

Дату этого письма удалось определить по штемпелю на конверте – «Архангельск. 17.10.07».

Итак, дороги с партией разошлись окончательно. Революция идёт на спад. Александр прекращает революционную деятельность, но то, что происходит вокруг, его волнует не меньше. Следующее письмо написано через год.

«Дорогие друзья! Благодарю Акки за открытку, я получил её, когда приехал с Ян-Майена. Сюда я приехал 25 /IX и через несколько дней начал ходить в училище. Переехать в Петербург – эта мысль не осуществилась из-за нехватки денег. Первое, что мы сделали, это учредили кассу взаимопомощи. Теперь у нас там больше 30 крон. В городе свирепствует холера. Она уносит 15–20 жертв каждый день. Умирают в основном от бедности там, где не в состоянии вести нормальную жизнь. Холерные бактерии находятся также и в воде, поэтому нельзя пить некипячёную воду. Но отцы города, столпы общества, ничего не делают для того, чтобы у рабочих была кипячёная вода для питья. Жизнь в училище идёт тихо и спокойно. В Петербурге и других университетских городах все студенты бастуют. Но мы, в гимназиях и средних и профессиональных училищах, связаны разными регламентами. Например, есть пункт, запрещающий нам ходить в гражданской одежде, выходить

⁶⁰ ОИММ кп № 2285/2. Письмо из Архангельска от 24.04.1910 г.

⁶¹ ОИММ № 1320/13.

после 9, посещать театр, оперу и т. п. без разрешения начальства. Кроме того, за нами ведётся полицейский надзор, и мы не уверены, что полиция не придёт обыскивать наши книги и бумаги. Только что пришёл из театра. Артисты из Малороссии. Они говорят на малороссийском языке, но его легко понять. Веши, которые они играют, как и литература Малороссии в целом, весёлые, комические. Но, поверьте, это хорошие спектакли. Сейчас у меня маленький вопрос. Не будете ли вы так добры послать мне произведения Г. Ибсена и Кнута Гамсуна. Они издаются маленькими брошюрами. Я бы хотел иметь «Кукольный дом», «Враг народа», «Привидения», «Пожар», «Строитель Солнес» и несколько маленьких книг Гамсуна. Всё это можете отправить наложенным платежом или как будет удобнее».⁶²

И ещё одно письмо, датированное январём 1909 года:

«С Новым годом! Дорогой Бартольд! На Рождество я съездил домой и, когда вернулся, получил твоё письмо от 12.12.08. Сейчас отвечай на адрес технического училища, так приходит быстрее. Да, если у тебя есть, пошли мне только книги Гамсуна «Пан», «Голод» или то, что найдёшь. Здесь в Архангельске «Голод» Гамсуна стоит 40 эре, сборник драм Ибсена 20 эре. Пошли мне также один том Ибсена: «Нора», «Привидения», «Столпы общества». Напиши, каким образом мне лучше отправить деньги. У меня всё хорошо. Начинаю лениться делать уроки (впрочем, я всегда ленился). Ранней весной у нас последний экзамен, я считаю кандидатом на золотую медаль, но определённо не получу её. Организации в училище распались, и мы потеряли мужество держать пост дальше. Ходим часто в театр. Здесь представляют иногда норвежских авторов – «Пожар» Ибсена, «У врат царства» Гамсуна. Скоро напишу снова, но сейчас заканчиваю, нет времени».⁶³

Итак, с революцией покончено – «мы потеряли мужество держать пост». Новые увлечения: литература, театр.

Литература: Ибсен и Гамсун. Даже зная любовь А. Кучина ко всему норвежскому, его заказ книг именно этих авторов, несомненно, интересен. Да, непростой духовной жизнью жил этот отличник навигационной школы!

В основе творчества классика норвежской литературы драматурга Генрика Ибсена (1855–1906) проповедь свободы творческой личности, противопоставление её лжи и ничтожности окружающей жизни. Его пьесы о современности простые по форме полны внутреннего драматизма. Красавица Нора, почувствовав себя только куклой, а не равноправным человеком, бросает мужа и детей и уходит от семьи и от этого общества, где ради благопристойного внешнего фасада готовы простить ложь и предательство. Штокман из пьесы «Враг народа», убедившись в том, что в его городе власти лишь декларируют принципы свободы и справедливости, собирает народ и заявляет: «Самый опасный враг истины и свободы – это сплочённое и свободное большинство! Большинство никогда не право – да, никогда! Это общепринятая ложь, против которой должен восставать каждый свободный и разумный человек». Строитель Солнес когда-то мечтал строить башни, воспарённые вверх, а всю жизнь строил жилье, но, оказывается, людям нужны и башни...

Русский философ Н. А. Бердяев, современник А. Кучина, писал: «Я не могу без волнения перечитывать Ибсена. Он имел огромное значение в духовном кризисе, пережитом мною в конце прошлого века, в моём освобождении от марксизма. Ибсен необычайно обостряет проблему личности, творчества и духовной свободы. Когда читаешь Ибсена, то дышишь совершенно горным воздухом. Норвежское мещанство, в котором он задыхался, составляет

⁶² ОИММ № 1320/14.

⁶³ ОИММ № 1320/15.

фон его творчества. И в атмосфере максимального мещанства происходит максимальное горное восхождение».⁶⁴

Между прочим, Генрик Ибсен был любимым писателем Фритьофа Нансена.

Идея сильной личности и в творчестве другого норвежского писателя, Кнута Гамсуна (1859–1952). К. Гамсун прожил непростую жизнь. Родился в большой крестьянской семье, с ранних лет много скитался. Первые его произведения не имели успеха. Он уехал в США, работал на разных должностях и тяжелобольным вернулся на родину. Здесь в положении крайней бедности, нищеты и голода он написал роман «Голод», в котором физические страдания, голод доводят главного героя до экстатического состояния, и он воспринимает действительность через дымку обострённых до крайности чувств. Роман принёс ему известность, которая сопутствовала ему ещё долгие годы.

Интересно, какое впечатление произвела на А. Кучина пьеса Гамсуна «У врат царства», которую он смотрел в архангельском театре? В центре пьесы три философа – профессор и два его ученика. Ученики стоят на позициях германской философии, профессор – англосакс и либерал. Профессор Гюллинг склоняет учеников изменить свои взгляды: «Я не запрещаю людям иметь своё мнение. Одно дело быть молодым и подчиняться своему темпераменту, другое – давать каждой мысли созреть в своё убеждение. Никто не является на свет зрелым. Но зрелость мысли надо развивать в себе. Она наступает в известном возрасте». На что главный герой Карено парирует: «Я думаю, что если не сказать этого в юности, то уже никогда не скажешь». Другой ученик, Йервен, чтобы получить докторскую степень, стипендию и жениться, переписывает свою работу: «Нет ничего позорного в том, что меняешь свои убеждения». Карено теряет всё: возможность издать свою книгу, от него уходит жена, он подвергается нападкам прессы, в конце пьесы в дом приходят судебные приставы, чтобы описать имущество. Вопрос: можно ли ради благополучия, комфорта, положения в обществе, любви любимой женщины менять свои убеждения? Кнут Гамсун отвечает однозначно: «Нет!»

А как на этот вопрос отвечал А. Кучин и его товарищи?

В уста своего героя Карено К. Гамсун, проводник современной ему немецкой культуры и философии, вложил свои идеи. В своей рукописи, которую он читает своей жене, Карено пишет, что рабочие «когда они были рабами, имели определённые обязанности – они работали. Теперь вместо них работают машины при помощи пара, электричества, воды и ветра, и таким образом рабочие становятся все более и более лишними на земле», поэтому нужно увеличить налог на хлеб, чтобы поддержать крестьянина и уморить голодом рабочего. И ещё: «Я верю в прирождённого властелина, в деспота по природе, в повелителя. В того, кто не избирается, но кто сам провозглашает себя вождём этих стад земных. Я верю и жду возвращения чрезвычайного террориста, квинтэссенции человека, Цезаря».

Взгляды К. Гамсуна привели его к нацизму, который он горячо поддержал. Свою Нобелевскую медаль, которую он получил в 1920 году за роман «Соки земли», воспевавший патриархальную жизнь крестьянства, в 1943 году он вручил министру пропаганды Геббельсу.

К. Гамсун был известен и как певец норвежской природы, тонко её чувствующий и умеющий передать эти чувства. Это восхищало в Гамсуне А. П. Чехова и А. А. Блока. Однокурсник А. Кучина П. И. Башмаков писал, что он на память с увлечением декламировал гимн лейтенанта Глана «Железным ночам» из поэмы в прозе «Пан».

«Потом наступило двадцать второе августа, и были три ночи, железные ночи, когда по северному календарю лету надо проститься с землёй и уже пора осени надеть на неё свои железа.

⁶⁴ Дмитриева Н. К., Моисеева А. П. Философ свободного духа (Николай Бердяев: жизнь и творчество). – М.: Высш. шк., 1993. С. 137.

Первая железная ночь. В девять часов заходит солнце. На землю ложится мутная мгла, видны немногие звёзды, два часа спустя мглу прорезает серп месяца.

Я иду в лес с моим ружьём, с моим псом, я развожу огонь, и отблески костра лижут стволы сосен. Не приморозило.

— Первая железная ночь, — говорю я вслух и весь дрожу от странной радости. — Какие места, какое время, как хорошо, Боже ты мой...

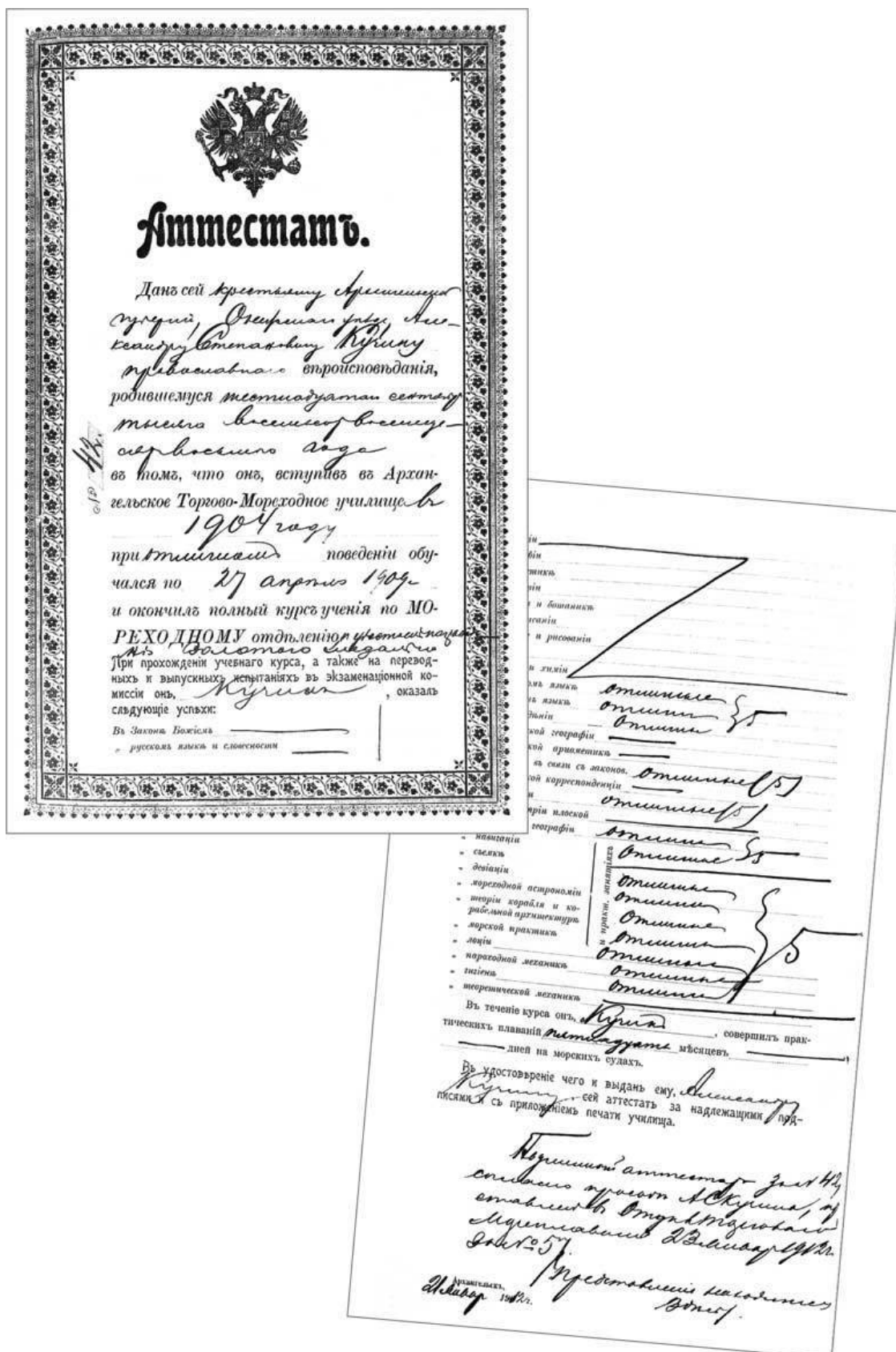
Люди, и звери, и птицы, вы слышите меня? Я благословляю одинокую ночь в лесу, в лесу! Благословляю тьму и шёпот Бога в листве, и милую, простую музыку тишины у меня в ушах, и зелёные листья, и жёлтые! И сплошной шум жизни в этой тиши, и обнюхивающего траву пса, его чуткую морду! И припавшего к земле дикого кота, следящего воробушка во тьме, во тьме! Благословляю блаженный покой земного царства, и месяц, и звезды, да, конечно, их тоже!

Я встаю и вслушиваюсь. Нет, никто меня не слышал. Я снова сажусь.

Благодарю за одинокую ночь, за горы! За гул моря и тьмы, он в моём сердце. Благодарю и за то, что я жив, что я дышу, за то, что я живу этой ночью. Т-с-с! Что это там на востоке, на западе, что это там? Это бог идёт по пространствам! Тишь вливается в мои уши. Это кровь кипит у вселенной в жилах, это работа кипит в руках творца, я и мир у него в руках. Костёр озаряет блестящую паутинку, из гавани слышен плеск весла, вверх по небу ползёт северное сияние. От всей своей бессмертной души благодарю за то, что мне, мне дано сидеть сейчас у костра!»

Действие произведения происходит в Нурланде на севере Норвегии. Читая «Пана», Александр, конечно же, представлял столь любимую им природу северной Норвегии: горы, фьорды, леса. Сколь могущественна природа и сколь мал и слаб человек, особенно остро ощущается именно на Севере, и Александр к тому времени испытал эти чувства, вчитываясь в строки Гамсуна:

«За островами тяжело и покойно лежало море. Часто я забирался высоко в горы и глядел на него с вышины; в тихие дни суда почти не двигались с места, бывало, три дня кряду я видел всё тот же парус, крошечный и белый, словно чайка на воде. Но вот налетал ветер и почти стирал горы вдалеке, поднималась буря, она налетала с юго-запада, у меня на глазах разыгрывалось интереснейшее представление. Всё стояло в дыму. Земля и небо сливались, море взвихрялось в диком танце, выбрасывая из пучины всадников, коней, разодранные знамёна. Я стоял, укрывшись за выступ скалы, и о чём только я тогда не думал! Бог знает, думал я, чему я сегодня свидетель и отчего море так открывается перед моими глазами? Быть может, мне дано в этот час увидеть мозг мироздания, как кипит в нем работа!.. И ни голоса, ни вскрика — нигде ничего, только тяжкий, немолчный гул. Далеко в море лежал подводный камень, лежал себе, тихонько уединяясь вдалеке, когда же над ним проносилась волна, он вздымался словно безумец, нет, мокрый полубог, что поднялся из вод и озирает мир, и фыркает так, что волосы и борода встают дыбом. И тотчас снова нырял в пену. А сквозь бурю пробивал себе путь крошечный, чёрный, как сажа, пароходик».

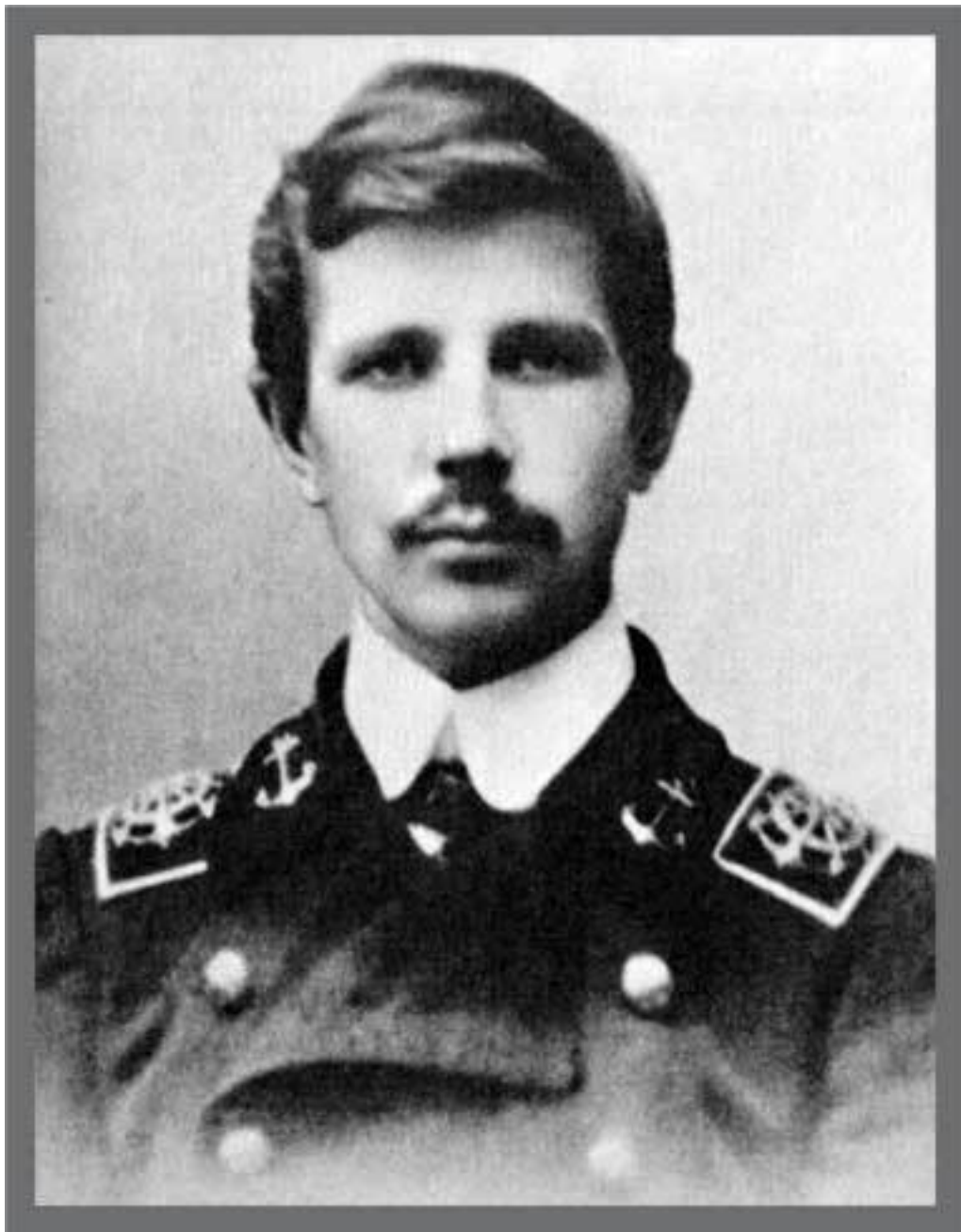
Аттестат А. Кучина об окончании Архангельского торгово-мореходного училища. 1909 г. (Из фондов ГААО)

Выпуск Архангельского торгово-мореходного училища 1909 г. (Из фондов МАМИ)

Малый русско-норвежский словарь. Составил А. Кучин. Вардё, изд. «Помор». 1907 г. (Из фондов МАА)

Александр Кучин. Архангельск. 1909 г.

Но «Пан» – это не только песнь природе, это повесть о романтической и мучительной любви героя лейтенанта Глена, одиноко живущего в лесу, к гордой красавице Эдварде, которая и любит, и отталкивает его. Все чувства героя – и смущение, и восторг любви, и беспричинная радость, и ревность, и нечаянная измена, чтобы отомстить, – описаны Гамсуном не менее ярко, как и описания природы.

Если двадцатилетние юноши читают романы, подобные «Пану», означать это может только одно – они влюблены.

Пришла любовь и к Александру в виде черноволосой архангелогородки Нади Черепановой. Мы почти ничего не знаем о ней. В письмах к Бартольду её имя не упоминается ни разу. Поиски в архивах пока ничего не дали. А может быть, и искать не надо. Пусть она так и останется прекрасной незнакомкой, таинственной первой любовью.

Весна 1909 года для Александра была прекрасна. Ему двадцать лет, рядом любимая девушка, друзья и белые ночи, которые в Архангельске необыкновенно хороши. В полночь солнце садится за Северной Двиной, окрашивая небо и воду немыслимыми оттенками пурпурного, розового и лилового, зажигаясь в окнах домов, высвечиваясь в парусах шхун и яхт. Не архангельские ли белые ночи навеяли Александру Грину, бывшему здесь в ссылке, его «алые паруса»?

Выпускные экзамены успешно сданы. «Отлично» по всем предметам. Ему единственному из курса вручили золотую медаль. Его имя будет выбито золотом на мраморной доске, а вот аттестата он не получил – не хватило плавательного стажа, двух месяцев. Он не был единственным, кто не получил аттестата, в таком же положении оказалась половина его сокурсников. По правилам аттестат они получают только тогда, когда пробудут в плавании положенные 17 месяцев. Правда, были и плюсы – до получения аттестата их не призывали на воинскую службу, а служить в армии Александру не хотелось...

Отсутствие аттестата Сашу вряд ли огорчило, гораздо больше расстроило то, что он не получил гимназический аттестат. Саша много работал. С математикой, физикой, географией, русским языком он бы справился без особого труда. Можно было подготовить законоведение и историю, которые в гимназии изучали в больших объёмах, чем в училище. Можно было одолеть и философскую пропедевтику, но языки... Помимо немецкого нужно было сдать латынь и французский. Выучить два языка за полтора года, кроме тех двух, которые нужно было зубрить по программе училища... Вряд ли это возможно. Мечты об университете, открывавшие путь в науку, рассеялись как дым.

Александр обращается в Норвегию с просьбой предоставить информацию о рыбопромышленных училищах Норвегии. Получает официальный ответ. Любопытно, что одним из условий приёма в такое училище для русских являются членство в Архангельском обществе Русского Севера и направление от этого общества. Несмотря на то что учащимся Архангельского торгово-мореходного училища запрещали состоять в каких-либо общественных организациях, Александр был принят в это общество как член-корреспондент. Его членский билет датирован апрелем 1909 года.

Архангельское общество изучения Русского Севера объединяло людей, занимавшихся историей, этнографией, природой, экономикой северного края. На его заседаниях вели жаркие дебаты об освоении его богатств. В «Известиях общества» за 1909 год опубликован протокол заседания, на котором обсуждали вопрос о рыбных промыслах на Мурмане.⁶⁵ С докладами выступили В. Ф. Државецкий, бывший ассистент Н. М. Книповича на Мурманской биологической станции, и известный ихтиолог С. В. Аверинцев. Заседание, проходившее в стенах Городской думы, затянулось за полночь. Среди выступавших в прениях есть фамилия Кучина. Кто из них – отец, знавший промысел не понаслышке и не чуждый общественной деятельности, или сын, мечтавший заниматься научным изучением океанских глубин, принимал участие в этом собрании? Если отец в это время, как и должен, был в море, то это был молодой Александр.

Итак, закончился важный этап в жизни Саши Кучина. Что ждёт его впереди?

⁶⁵ Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. № 2. Архангельск. 1909 г. С. 47.

III. В Бергене

Лето после окончания училища Александр провёл в Архангельске. «Исполнилась мечта – побыть летом в России»⁶⁶. Хотя северное лето называют «карикатурой южных зим», но для Саши, уже многие годы летние месяцы проводившего за Северным полярным кругом среди льдов и скал, оно было приятным и желанным. Задержался он по двум причинам: ждал заграничного паспорта и был с любимой девушкой. В сентябре, так и не дождавшись паспорта, хотя разрешение на его выдачу было полицейским управлением подписано ещё 28 мая⁶⁷, Александр отправляется в Норвегию. Позднее, в апреле 1910 года, отец напишет, что паспорт он получил и ему переслал.

Александр приехал в Тромсё и хотел поступить на норвежское исследовательское судно «Микаэль Сарс», названное по имени известного норвежского зоолога, изучавшего морскую фауну, звёзд и медуз, отца Евы Сарс-Нансен – жены Фритёфа Нансена. Капитан порта рассказал ему о курсах по изучению моря на биологической станции в Бергене, и он решает ехать туда. На судне будущему исследователю моря была оказана любезность. Его бесплатно в 1-м классе доставили в Берген. Это было весьма кстати, так как в кармане у Александра было всего 110 крон, которые ему дал отец на проживание.

Воистину, если чего-то сильно желаешь и твои помыслы чисты, счастливый случай обязательно представится.

Океанография как наука делала свои первые шаги. Биологическая станция в Бергене была одним из ведущих центров по изучению моря. Здесь не только проводили исследования, но и организовывали курсы по различной тематике, на которые приезжали учёные из многих стран.

Плата за обучение на курсах – 150 крон, да и велись они на немецком языке, в котором Александр был не силён. На курсах читали лекции о планктоне и зоологии морского дна. Слушатели – выпускники университетов. Конечно, в таких условиях и думать было нечего об обучении на них.

4 ноября 1909 года он пишет Бартольд: *«Навигационное училище я закончил в начале мая и получил золотую медаль на экзамене. После чего стал копить силы и средства на поездку за границу: в Англию и Норвегию. Последние два года я интересовался изучением моря и, когда я лучше узнал мурманский берег, захотел заняться гидрографическими исследованиями. Из Тромсё я приехал сюда на «Микаэль Сарс». Здесь проходили курсы по морским исследованиям: лекции о планктоне и зоологии морского дна. Плата составляла 150 крон, а у меня было только 110 крон на проживание. Поэтому я начал изучать самостоятельно, мне разрешили пользоваться библиотекой биологической станции и музея. Но большая часть литературы на английском и немецком, а я был довольно слаб в этих языках, поэтому учился без отдыха. Через месяц труда я смог читать на обоих языках без словаря. Впрочем, всё ещё предпочитаю книги на английском. Д-р Хелланд-Хансен дал мне поручение: замерять течение в заливе Пуддефьорд возле Бергена и делать анализы воды. Эту работу я выполнил. Но средств у меня становилось всё меньше и меньше. Теперь, к большой моей радости, д-р Х.-Х. дал мне оплачиваемую работу: делать анализ всех проб воды, какие есть на станции, и работать в химической лаборатории. 80 крон в месяц при 6-часовом рабочем дне. Теперь я смогу остаться в Бергене ещё на 3 месяца и учиться, а к лету надеюсь полу-*

⁶⁶ АОКМ нвф № 19238/1.

⁶⁷ МАА № О-5953/3.

*читать место гидрографа на Мурманском берегу. Но навигационная школа не дает больших знаний по химии, поэтому я начал её изучение»*⁶⁸.

Такая работоспособность не могла не быть замеченной, и доктор Бьерн Хелланд-Хансен, директор биологической станции, предложил ему заняться океанографией. Александру снова повезло. Б. Хелланд-Хансен – один из основателей океанографии как науки. Он вывел формулу определения скорости морских течений, известную как формула Хелланда-Хансена, ратовал за объединение исследований по физической океанографии и биологии моря. Лучшего наставника трудно было желать. Саша восхищён им: *«Профессор редкостный человек. Вчера он читал лекцию в здании метеорологической обсерватории и зашёл ко мне, чтобы взять меня с собою»*⁶⁹. Вместе с профессором он выходил в море, брал пробы воды для определения солёности, измерял температуру, вычислял течения, научился определять возраст рыб. Работа нравилась и увлекала. *«Узнал новую истину, что нужно проверить, что раз вода у Мурмана холоднее, то крупней рыба и богаче»*⁷⁰.

Новые знания, свои маленькие открытия, первые результаты – что может быть увлекательнее для молодого учёного? Позднее он напишет отцу: *«Во всяком случае, здесь в Бергене моя работа была важна и полезна, и среди учёных в музее я пользуюсь почётом и уважением»*⁷¹.

Но за пределами станции он тоскует. Своему однокурснику и другу Косте Белову он пишет: *«Ах, Костя, как я скучаю! Всё в России (нет, не всё!) кажется хорошим. Ты не думай, я не изменил себе, но мореходка, наша прошлая жизнь... Кроме того, там Надя»*⁷², и в другом письме: *«А как хочется туда, в Россию! Днём работаю, а как приходит вечер – скучаю. Не в силах даже и читать»*⁷³.

Он пишет о почти безумной любви к Наде, о том, как мечтает она о работе на Мурмане вместе с ним и куда приедет Надя «если не разлюбит». Надю сватал лесной кондуктор и получил отказ. Её отправили в Англию, и он хочет ехать к ней: *«Костя, если бы ты знал, как тяжела разлука с ней. Я боюсь за неё. Так бы бросил всё и поехал к ней. Писал ей о моём намерении побывать в Англии, чтобы после работать не отрываясь. Если скучает, то поеду к ней. Нужно спасти её счастье»*⁷⁴. Наконец, в письме от 16.12.1909 года сообщает: *«Нужно побывать в Англии, чтобы после не отрываться от семьи. Я начинаю помышлять о своей собственной семье. Хотя пока из двух человек – Нади и меня»*⁷⁵.

Как это часто бывает, длительная разлука делает своё дело. Надя пишет всё реже. В апреле 1910 года Степан Григорьевич получает письмо от сына. Письмо плохо сохранилось, но в конце его можно прочитать: *«С Надей у меня всё покончено... (разрыв бумаги – прим. авт.)»*.

Отец был доволен, он не одобрял этой дружбы.

Ещё одна проблема – климат. Сыро, дождливо, средняя температура января +0,9°, нет снега, нельзя покататься на лыжах. Погода угнетает, как угнетает и полярная ночь, когда рассветает лишь на несколько часов в середине дня. *«Здесь дьявольский климат в Бергене, и я порядком заболел. Боюсь чахотки»*⁷⁶.

⁶⁸ ОИММ № 13020/16.

⁶⁹ АОКМ нвф № 19238/1.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ МАМИ б/н.

⁷² АОКМ нвф № 19238/1.

⁷³ АОКМ нвф № 19238/4.

⁷⁴ АОКМ нвф № 19238/2.

⁷⁵ АОКМ нвф № 19238/3.

⁷⁶ АОКМ нвф № 19238/4.

Своё будущее он связывает с Россией, и прежде всего с изучением Мурмана: *«Стало быть, если удастся, летом буду работать на Мурмане и служить делу, а не людям. О, если бы. Исследовав глубины вод Мурмана, можно взяться и за рыболовство... Моя мечта поскорее приехать на Мурман»*⁷⁷. Но прежде нужно научиться работать тралом, и он собирается либо в Англии наняться на рыболовецкое судно, либо пойти на норвежском судне «Микаэль Сарс».

Ловля рыбы тралом – по тем временам новая технология, появившаяся тогда, когда на судах паруса заменила паровая машина и они стали меньше зависеть от ветра.

Саша жалуется на одиночество. Он тяжело сходилась с людьми, как и все застенчивые и самолюбивые люди. Всё же он стремится подбодрить друга Константина Белова, которому тоже приходится несладко в первых рейсах на заграничном пароходе, и пишет ему: *«Друг мой, брат мой, усталый страдающий брат! Кто б ты ни был, не падай душой!»*⁷⁸

Сколь ни напряжёнными были учёба и работа, ими жизнь Александра в Бергене не ограничивается. Он принимает приглашение местной газеты к сотрудничеству. Появляются новые знакомые. Об одном из них следует рассказать особо. В фондах Онежского музея сохранилось одно письмо Александру Кучину с неразборчивой подписью, датированное мартом 1911 года.⁷⁹ Удалось выяснить, что автор его Фёдор Егорович Классен.

Прадед Фёдора приехал в Архангельск в конце XVIII века, стал купцом 1-й гильдии и совместно с Вильгельмом Брантом построил первую в Архангельске лесопилку с паровым двигателем. Отец Егор Егорович, владелец льняной мануфактуры в городе Романове-Борисоглебске Ярославской губернии, был известен как фабрикант, не только создавший технологически передовое предприятие с тремя тысячами работников, но и социальную инфраструктуру города: детские сады, школы, больницы, жильё для рабочих. Добрая память о нём сохранилась до настоящего времени.

Сам Фёдор Егорович был весьма незаурядным человеком. О таких говорят: «Из молодых, да ранних». Он окончил университет в Германии в Гейдельберге. В 1907 году, когда ему было всего 23 года, он представил в Московский университет диссертацию по ихтиологии на соискание докторской степени. В некоторых документах он именуется доктором Классеном. В 1909 и 1910 годах принял участие в экспедициях в Баренцевом море у мурманского берега, руководимых В. Ф. Државецким. Первая экспедиция состоялась на исследовательском судне «Андрей Первозванный» Комитета помощи поморам. Для второй экспедиции В. Ф. Државецкому не удалось получить судно, и она смогла состояться только потому, что Ф. Е. Классен предоставил купленную им яхту «Жак Картье» и финансировал экспедицию. В 1908 году на яхте «Жак Картье» французская экспедиция Шарля Бенара, в составе которой был геолог Владимир Русанов, изучала Новую Землю, но по возвращении в Архангельск из-за долгов её пришлось продать. Это о ней пишет А. Кучин К. Белову: *«Есть случай отправиться ко льдам. На французской яхте. Помнишь её. Один из моих добрых знакомых приобрел её и предлагает отправиться на звериный промысел. Хочешь занять на нём какое-либо место?»*⁸⁰

Из письма видно, что Ф. Классен планировал в 1910 году идти на яхте на зверобойный промысел, а не ловить треску в Баренцевом море, но, видимо, В. Ф. Државецкий его уговорил.

⁷⁷ АОКМ нвф № 19238.

⁷⁸ Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат, Кто б ты ни был, не падай душой! Пусть неправда и зло полновластно царят Над омытой слезами землёй, Пусть разбит и поруган святой идеал И струится невинная кровь, — Верь: настанет пора — и погибнет Ваал, И вернётся на землю любовь! Семен Нандсон

⁷⁹ ОИММ кп 5182/12.

⁸⁰ АОКМ нвф № 19238/3.

По возвращении возникли недоразумения с таможней. В. Ф. Државецкий пытался продать выловленную рыбу для покрытия расходов экспедиции. Разгорелся конфликт между Классеном и Државецким. «У Држ-го я судно с большим трудом отобрал, но дела оказались такими, что был вынужден продать своего любимого «Жака» и вместе с ним похоронить и свои мечты промысла на нём, соединенном со строго научным исследованием Северного океана. Оживёт ли когда-нибудь эта мечта снова?! Кто это знает»⁸¹.

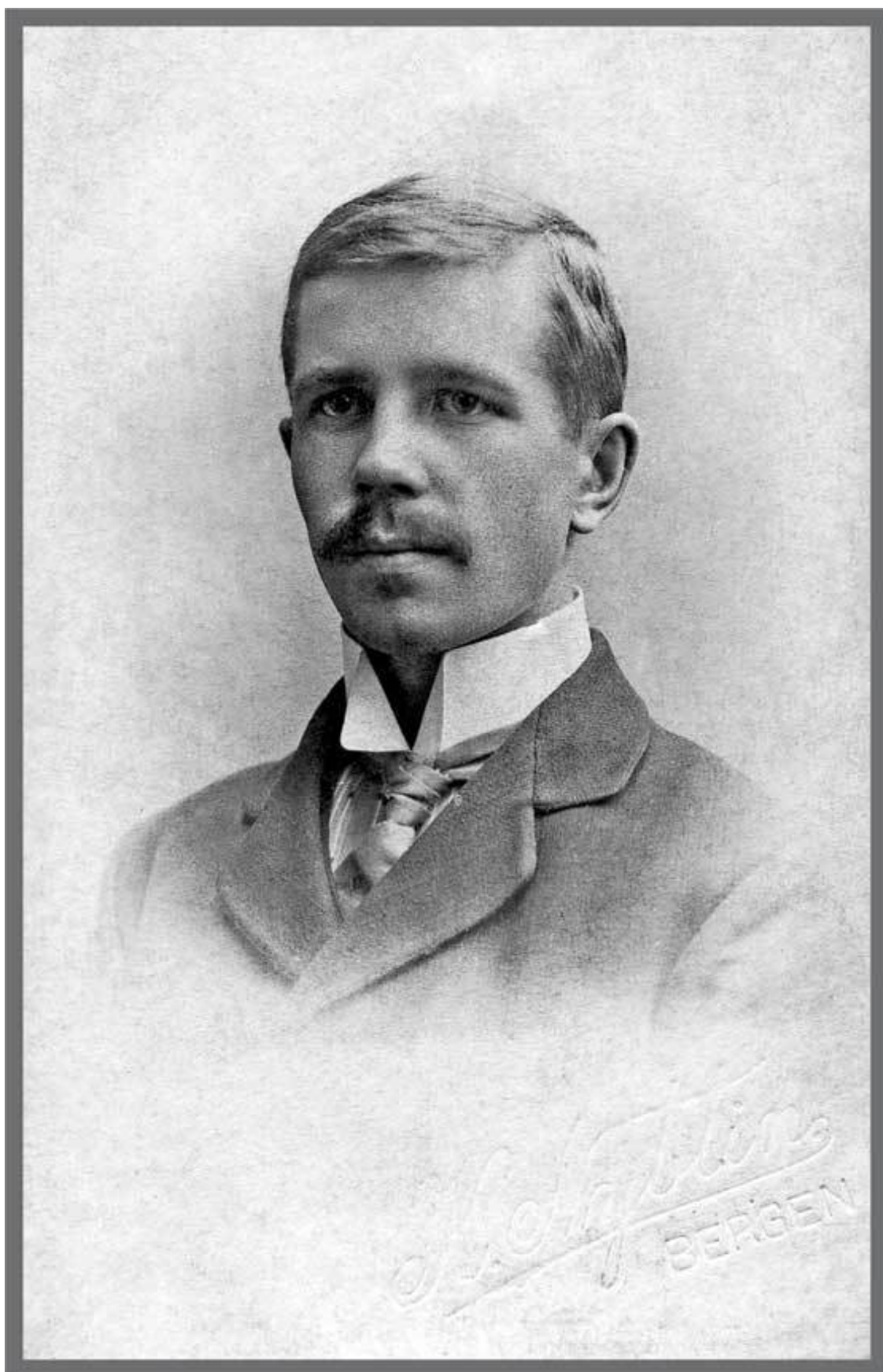
«Жак Картье» был приобретён Главным управлением землеустройства и земледелия. В 1911 году тот же В. Ф. Државецкий был командирован на нём на Шпицберген для поиска месторождений каменного угля, но судно до архипелага не дошло. Во время сильного шторма оно было прибито к норвежскому берегу. Очередной скандал, и в 1912 году руководителем шпицбергенской экспедиции был назначен В. А. Русанов.

В Бергене Ф. Е. Классен занимался на биологической станции, где и познакомился с А. Кучиным. Два молодых человека, Фёдор был старше Александра всего на 6 лет, соотечественники, увлечённые наукой и Севером, не могли не подружиться. *«Я все-таки склонен верить тому, что гора с горой не сходится, а человек с человеком всегда может сойтись и что встреча наша в Бергене не может пройти даром и остаться случайным эпизодом в жизни. Я думаю и скорее уверен в том, что рано или поздно мы должны снова встретиться, в качестве чего, сейчас предугадать, конечно, трудно – при совместной ли работе, чего я больше всего желаю, или при других условиях... Всё-таки я мечтаю о том, что мне удастся раздобыться деньгами на какое-нибудь более дешёвое судно вроде норвежских *salpranger* и на нём учинить нечто подобное. Недурно было бы устроить нам с Вами что-нибудь вместе»*⁸².

Однако встретиться им не привелось. Ф. Е. Классена по возвращении в Россию ждали неприятные известия. Умер отец, а старшие братья, возглавившие семейный бизнес, по-видимому, не поддерживали его интересы, к тому же он был призван в армию. Письмо было написано именно оттуда. Началась Первая мировая война. Фёдор Егорович на передовой. В газете «Русское слово» в № 136 от 14.06.1915 года появилось известие: «Прапорщик Классен Фёдор Егорович пропал без вести». К счастью, он не погиб, а был ранен и попал в плен. В революционную Россию, как и в любимую Норвегию, он не вернулся. Жил в Австрии, Франции, Испании. Испытав ужасы войны, одним из которых, несомненно, является голод, свою дальнейшую жизнь он посвятил проблемам длительного сохранения продуктов питания, став известным в Западной Европе специалистом. Его фундаментальный труд «Технология рыбных продуктов» был издан в Праге в русском эмигрантском издательстве «Пламя» в 1925 году. Умер Ф. Классен в 1948 году в Испании. История о Фёдоре Классене – это история ещё об одном молодом и талантливом человеке, которого лихолетье выбросило из страны.

⁸¹ ОИММ 5182/12. Л. 2 об.

⁸² ОИММ 5182/12. Л. 1.

Александр Кучин. Берген. 1910 г. (Из фондов ОИММ)

В Бергене состоялась и встреча Александра Кучина с Фритьофом Нансеном. В 1909 году Ф. Нансен и Б. Хелланд-Хансен выпустили совместную книгу «Норвежское море» и в процессе работы часто встречались. Встреча с национальным героем Норвегии, кумиром молодёжи, книгами которого зачитывались и с которыми Александр был, несомненно, знаком, не могла не произвести на него большого впечатления. П. И. Башмаков пишет: «Для Кучина Нансен был идеалом великого путешественника и мужественного человека»⁸³.

Да и Нансен обратил внимание на этого русского. Они чем-то были похожи. Оба увлекались наукой, оба трудоголики, оба могли «рубить за собой мосты», оба любили лыжи, у обоих любимым писателем был Генрих Ибсен, а описания природы в книгах Нансена весьма похожи на поэмы Гамсуна, столь чтимого А. Кучиным.

В это время в Норвегии много говорят о предстоящей экспедиции Руаля Амундсена к Северному полюсу. Бьерн Хелланд-Хансен и Фритьоф Нансен рекомендуют Александра для участия в этой экспедиции.

⁸³ Башмаков П. Указ. соч. С. 89.

IV. С Амундсеном

Об этой экспедиции Руаль Амундсен мечтал всю жизнь. Покорить Северный полюс, первым побывать там, где до него ещё никто не бывал, – эта идея побуждала к действиям. Его лекционные туры по Европе и Америке фактически были частью большой пиар-компании, призванной сформировать в мировом общественном мнении образ Амундсена как великого путешественника, а также собрать деньги на новую экспедицию, обещающую быть долгой и дорогой. План экспедиции был не нов. Это было повторение маршрута Фритьофа Нансена на «Фраме» в 1893–1896 годах, когда судно вмёрзло в лёд в районе Новосибирских островов и дрейфовало по трансарктическому течению от Сибири к Гренландии. Амундсен рассчитывал, что если судно вмёрзнет в лёд восточнее, в районе Берингова пролива, то течение вынесет его ближе к полюсу и можно будет добраться до него на лыжах и собаках. Как известно, такой бросок сделали Ф. Нансен и Я. Йохансен. Они достигли 86° 14' с. ш. и повернули на юг к Земле Франца-Иосифа. До Северного полюса оставалось около 400 км.

Достичь Берингова пролива Р. Амундсен предполагал, обогнув Южную Америку. Панамский канал к тому времени ещё не был построен. Путешествие должно было длиться семь лет. Для экспедиции нужно было подходящее судно. Единственное в Норвегии полярное судно, годное для такого плавания, всё тот же «Фрам». Судно принадлежало государству, но решающее слово было за Нансеном.

Фритьоф Нансен был в сложном положении. Он сам намеревался на нём совершить экспедицию к Южному полюсу, но распадалась его семья, и он принял тяжёлое для себя решение – отказался от своих планов и передал «Фрам» Амундсену. Вероятно, он рассчитывал и на то, что его исследования в Арктике будут дополнены и уточнены новыми данными, полученными с помощью современных методик.

Океанография за последние десять лет шагнула далеко вперёд, во многом благодаря тому же Нансену.

Ф. Нансен и Б. Хелланд-Хансен взялись за разработку программы научных исследований экспедиции Амундсена и оборудования её новейшими приборами.

«Научных инструментов был взят целый набор, – пишет Амундсен в своей книге «Южный полюс. Плавание «Фрама» в Антарктиде в 1910–1912 годах». – Проф. Нансен и Хелланд-Хансен посвятили много часов нашему оборудованию для океанографических работ. Поэтому и эта статья снаряжения была образцовой. Кроме того, как Преструд, так и Ертсен прошли необходимую подготовку по океанографии у Хелланда-Хансена на биологической станции в Бергене. Я сам тоже провёл там лето и прослушал один из курсов по океанографии. Хелланд-Хансен – прекрасный учитель. К сожалению, не могу утверждать, что я был столь же блестящим учеником»⁸⁴.

Позвольте, а где же Кучин? Оказывается, экспедиция и без него была вполне оснащена специалистами-океанографами.

Ответ на этот вопрос прост. Б. Хелланд-Хансен не доверял своим землякам. Фредерик Яльмер Ертсен, лейтенант Военно-морского флота Норвегии, о котором упоминает Амундсен, отлично рвал зубы, но он не был стоматологом. Он был хорошим моряком, но он не был исследователем. А это, как известно, не только объём информации, но и состояние ума, умение видеть за частным общее, за настоящим будущее, выполнять простую и сложную работу осмысленно. Александр Кучин, несмотря на малый опыт, был именно исследователем. Работая на биологической станции, он не только как губка впитывал новые знания, но и размышлял о том, как данные, полученные во время исследования моря в Бергене, использо-

⁸⁴ Амундсен Р. Собр. соч. Т. II. Из-во Главсевморпути. Л., 1937. С. 34.

вать в дальнейшей работе на Мурмане. Кроме того, его работа, видимо, отличалась скрупулезностью и тщательностью. Всё это ещё и дополненное необычайной работоспособностью делало его незаменимым человеком в экспедиции. Для Хелланда-Хансена. Не для Амундсена, для которого научные исследования были не самой важной её частью, а скорее некоей данью, которую нужно заплатить, чтобы государство и общество выделили средства для осуществления его планов.

Значит, Б. Хелланд-Хансен преследовал свои научные интересы. Поэтому включение Кучина в экспедицию было не просто рекомендацией, а настоятельной просьбой, и Амундсен не мог отказать, учитывая ту роль, которую играл Хелланд-Хансен в её подготовке, и авторитет известного учёного. Тогда становятся понятными и условия контракта, заключённого с Кучиным:

«Настоящим нижеподписавшийся *Алекс. Кучин* заявляет о своём согласии наняться в качестве *разнорабочего* на полярное судно «Фрам» под начало капитана Руаля Амундсена, руководителя экспедиции, направляющейся из Норвегии в Северный Ледовитый океан примерно в 1910 году, раньше или позднее, по решению руководителя экспедиции и на неопределённое время в будущем с месячным жалованьем 60,00 крон и бесплатным питанием, а также бесплатной *дорогой домой из Сан-Франциско*.

Цель экспедиции – исследование ранее не изученных территорий вокруг Северного полюса по решению руководителя экспедиции, которое он примет позже.

Я обещаю верой и честью во всём и всегда в этом плавании слушаться руководителя экспедиции или того, кого он назначит начальником, и обещаю точно исполнять отдаваемые мне распоряжения и все виды работ, порученные мне им или начальником им назначенным, трудиться с неустанным усердием и терпением.

Все результаты работы являются собственностью экспедиции. Все наблюдения, предпринятые каждым отдельным участником, должны находиться в её распоряжении, как и обычные записи в дневнике, касающиеся экспедиции, если это будет необходимо и желательно.

Участники не могут без согласия руководителя разглашать или позволять разглашать сведения об экспедиции или о том, что имеет отношение к ней, до истечения 3 лет после возвращения домой в Норвегию.

Христиания *14 марта 1910 г.*

Контракт касается плавания Христиания – Сан-Франциско.

Александр Кучин, Руаль Амундсен и Б. Хелланд-Хансен».⁸⁵

Текст документа машинописный, подчеркнутое – рукопись.

По этому контракту Александр был нанят «разнорабочим», или, как он иронично напишет Бартольду, «мастером на все руки» с окладом меньшим, чем он получал, будучи ассистентом на станции в Бергене, и одним из самых маленьких в экспедиции. Контракт был только до Сан-Франциско. Стортинг, настаивавший на том, что состав экспедиции должен быть исключительно норвежским, мог быть спокоен. К Северному полюсу отправлялись только норвежцы – русский сходил на берег в Калифорнии. Политес соблюден.

Можно предположить, что при прибытии в Сан-Франциско с Кучиным был бы заключён новый контракт. Однако вряд ли Александр был готов подарить семь лет своей жизни во

⁸⁵ МАМИ. Фотокопия. Б/н.

славу «дядюшки Руаля» и научным программам профессора. В письмах родным и знакомым он пишет, что уходит в экспедицию на полтора года. Из письма отца: *«Как я рад читать твои письма, полные надежды на будущее. Дорогой мой! Когда я увижу тебя, ведь за 1 ½ года много воды утечет, будем ли мы живы и здоровы, но будем льстить себя надежной, что скоро кончится этот скучный и тяжёлый промежуток времени. С одной стороны, я и рад, что ты пробиваешь дорогу, но эти 1 ½ года для меня тяжело звучат на душе»*⁸⁶.

Даже если и было устное соглашение, то в той обстановке, которая была на судне, Александр вряд ли бы согласился на продление контракта. Вопрос в другом. Когда Б. Хелланд-Хансен узнал о решении идти к Южному полюсу, которое держалось в строжайшей тайне? До или после подписания контракта с Кучиным?

Когда началась подготовка экспедиции, Северный полюс ещё не был открыт, но в 1909 году две американские экспедиции Фредерика Кука и Роберта Пири заявили о том, что они достигли Северного полюса. Был громкий скандал. Каждый из путешественников доказывал, что именно ему принадлежит приоритет в завоевании полюса. Только много лет спустя было установлено, что ближе к полюсу был Ф. Кук, но в то время считалось, что первый человек уже побывал в той крайней северной точке, где сходятся меридианы, а Амундсен в силу своего характера и амбиций вторым быть не мог. Он разработал программу похода к Южному полюсу. Все держалось в секрете, посвящены были лишь его брат Леон, финансовый директор экспедиции и на последнем этапе Б. Хелланд-Хансен, который откорректировал программу океанографических исследований в Атлантике в соответствии с новыми задачами. Была ещё одна проблема. Об экспедиции на Южный полюс заявил англичанин Роберт Скотт. Амундсен должен был спешить, поэтому научную программу решили начать после того, как часть экспедиции высадится в Антарктиде. Тайну удалось сохранить, хотя некоторых удивлял и маршрут экспедиции, и оборудование, которое для неё приобреталось. Она была раскрыта, когда король, стортинг и Ф. Хансен получили письма Р. Амундсена с Мадейры. Разразился скандал, но Р. Амундсен был уже далеко...

Вернёмся в Берген апреля 1910 года. Саша воодушевлён. Он надеется, что участие в экспедиции даст ему имя, позволит в дальнейшем вести самостоятельные исследования в России. *«Христос Воскресе! Дорогой папа, целую тебя и поздравляю с праздником. Давно не писал, п. ч. (потому что – прим. авт.) перед отъездом накопилось много работы и хочется окончить все. Затем в последнее время меня интервьюировали и написали кое-что о моих работах на станции. На следующей неделе поеду в Христианию. Весёлое расположение духа не покидает меня теперь и более не скучаю, как зимой... Кажется, мне удалось пробить дорогу даже в России. О нашей экспедиции уже знают, знают и о том, что я еду с ней. Буду стараться работать так, чтобы Амундсен не раскаивался в том, что взял с собой иностранца, да ещё русского... Только бы достало энергии на деле»*⁸⁷.

Первый этап, пробное плавание, началось 7 мая, когда в Норвегии празднуется День Независимости в честь расторжения унии между Норвегией и Швецией. «Фрам» направился в Атлантический океан для проведения океанографических исследований к югу от Ирландии и Шотландии. В этом походе испытывалось и судно, нагруженное всем экспедиционным снаряжением. Не напрасно. По неясной причине забарахлил мотор – то ли солярка была виновата, то ли машинист, выяснить не удалось, но пришлось возвращаться раньше запланированного времени, не пройдя всего маршрута. Машина была новой, шведской фирмы «Дизель», поставленной во время ремонта судна. От нагрузок пострадал фальшкиль, ослаб брюканец у мачты в носовой кают-компании, отчего каюту Амундсена и его помощника залило водой. Требовался дополнительный ремонт. Для обслуживания машины во время

⁸⁶ ОИММ КП 2285/2.

⁸⁷ МАМИ б/н.

экспедиции пригласили механика фирмы шведа Кнута Сундбека, так в команде появился второй иностранец.

При возвращении в Берген произошёл забавный инцидент. Амундсен описывает его следующим образом: «Утром в воскресенье 10 июля вошли в Сальбьернфьорд. У нас не было карт для входа в этот фьорд; но, поревев как следует своей сиреной, мы подняли наконец на ноги людей лоцманской станции, на судно явился лоцман. Он обнаружил явные признаки удивления, когда увидел перед собой «Фрам», прочтя это название на борту судна. «А я-то думал, что это какой-нибудь русский парусник», – произнёс он. Это заявление служило, вероятно, своего рода извинениями за ту умеренную торопливость, с которой он явился к нам»⁸⁸.

В Бергене привезённые из плавания пробы воды доставили на биологическую станцию, где Кучин сейчас же занялся их титрованием (определением содержания в воде хлора).⁸⁹

23 июля «Фрам» вышел из Бергена и направился в Христиансанд, где был поставлен в сухой док на ремонт. Для Саши и его новых знакомых, не занятых в ремонте, это было весёлое время. Вот его письмо от 29 июля из Христиансанда.

«Дорогой Бартольд! Ты, конечно, следишь по газетам за нашим плаванием и знаешь, что мы какое-то время находились в Бергене. Там я ждал твоего письма, но оно не пришло. У меня самого была масса работы на биол. станции с исследованием проб воды и не было времени написать несколько строк. Представь, в плавании у нас было всё хорошо. А в Христиансанде ещё лучше. Мы стоим за городом в сухом доке, поэтому я ещё не был в городе. Но поблизости есть санаторий, большая гостиница и увеселительное заведение. В первый же вечер, когда мы прибыли сюда, нас пригласили на ужин, после чего мы гостили там каждый день. Каждый вечер там бал, поэтому Ертсен, Преструд, Йохансен и я подолгу здесь не спим. Усталость, на которую я жаловался, прошла, и я могу снова приняться за работу. Книгу Фалкбергета я пролистал, но переводить не начал. Русские читатели привыкли к лучшему, поэтому я думаю, что вряд ли они встретят её с воодушевлением. Кроме того, я ничего не слышал от Классена относительно издательства и потому не знаю, стоит ли работать над этим. Книгу, которую я брал у твоей матери, «Ханс Нильсен Хауге», я смог одолеть только до середины. Я читал в основном рассказы о путешествиях и ещё пару специальных книг. Сейчас я шлю ей большое спасибо за эту книгу. Что касается плавания, я им очень доволен, несмотря на то, что пару раз, когда военная обстановка на борту была слишком суровой, я жалел о том, что я оказался там. И не я один. Но всё уже позади. Через несколько дней мы уходим отсюда и держим путь на Мадейру. Хорошо не быть абсолютным трезвенником. Уж мы привезём с собой мадеры. Отправь мне письмо поскорее. Вдруг оно застанет нас здесь»⁹⁰.

⁸⁸ Амундсен Р. Указ соч. С. 53.

⁸⁹ Там же. С. 54.

⁹⁰ ОИММ. № 1320/18.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.